

Четыре трагедии: Святослав Рихтер, Нина Дорлиак, Юрий Нагибин, Анатолий Якобсон

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1164-1165>

18 февраля 2002

Собеседник

Прохорова Вера Ивановна

Ведущий

Споров Дмитрий Борисович

Дата записи

Беседа записана 18 февраля 2002 и опубликована 5 декабря 2019.

Введение

В седьмой беседе Вера Прохорова вспоминает трагичные истории жизни своих друзей и знакомых. Она продолжает рассказ о Святославе Рихтере, описывает его отношения с оперной певицей Ниной Дорлиак и ее племянником Дмитрием Дорлиаком. Прохорова объясняет замкнутость Рихтера и отказ от семейных отношений предательством матери, ушедшей с оккупантами после освобождения Одессы.

Следующая тема воспоминаний — Юрий Нагибин, его многочисленные браки и переживания из-за истинного происхождения, которое долго время было неизвестно писателю.

В конце беседы Вера Ивановна рассказывает о Майе Улановской и Анатолии Якобсоне, их участии в диссидентском движении, высылке из Советского Союза в Израиль и самоубийстве Якобсона.

Дмитрий Дорлиак

Вера Ивановна Прохорова: Брат, который был актером Вахтанговского театра. Надо сказать, внешне он был красивый, талантом не обладал. Его выпускали все-таки на роли Клавдия, например, в «Много шума из ничего». Он действительно был красивый, видный такой, но очень пил тоже. Очень пил. Вот когда...

Дмитрий Борисович Споров: С Симоновым. Она говорит, с Рубеном Симоновым как раз.

В. П.: Ну, Рубен Симонов был дарование колоссальное. Этот был все-таки чуть-чуть лучше своего сына в последующем. В общем, он никакой, но внешне он был высокий, красивый такой молодой человек. Когда он был в Сибири у них на гастрелях, у него был тиф. Он болел и уже выздоравливал, но при тифе страшно истончаются как-то кишки, нужна диета. Значит, он попросил, его приятель принес ему водку, селедку. Он выпил, умер там же на месте.

Для Нины это был страшный шок. Она обожала брата. И потом, можно сказать, воспитала или антивоспитала его сына Митюлю, которому ни в чем не было отказа, что его совершенно уже испортило с детских лет. И он был Митюля номер два. Митюля, который страшно гордился, что последний Дорлиак. Святослав — это ничтожество, потому что он просто так играет, а Митя — последний Дорлиак.

Дмитрий Львович Дорлиак в фильме «Зори Парижа», 1936. Источник: www.kino-teatr.ru

Знакомство Святослава Рихтера и Нины Дорлиак

Д. С.: Дорлиак говорила, что с Рихтером она познакомилась в Ташкенте.

В. П.: Да?

Д. С.: Я думал, что они...

В. П.: В Москве они познакомились, но это неважно, потому что оспаривать это... Я знаю, что это было уже в сорок, наверное, каком... Уже война, помню, в таком разгаре, даже вторая половина. Тогда вот они уже стали играть вместе. А мать ее умерла в... С матерью он был знаком. Она была певица, Ксения Николаевна.

Д. С.: Ксения Николаевна.

В. П.: Да. И она очень просила Святослава с Ниной вместе попеть. И как-то они вместе. А потом он как раз, наверное, в 43-м, 42-м, что ли, году сказал: «Да, вот видел...» Здесь в Москве они познакомились. Вот.

Д. С.: А в то время, в войну он чем занимался? Он уже преподавал, нет?

В. П.: Нет, он никогда не преподавал.

Д. С.: Вообще никогда?

В. П.: Никогда. Свет — никогда. Если его просили, он очень неохотно как-то. Ну, если попросили послушать что-нибудь, он просто высказывал свое мнение деликатно, но точно, вместе с тем какие-то замечания. Преподавать — категорически. Его звали и на завкафедры, и предлагали все, что угодно, — ни в коем случае!

Д. С.: А почему так?

В. П.: Ну, он педагогическую деятельность себе совершенно не представлял, в отличие от Генриха Густавовича, который обожал это. Хотя он проклинал и говорил: «Я жалкий учитель, я не артист!» Был совершенно изумительный педагог, и школа его до сих пор считается лучшей. Но Святослав никогда в жизни не преподавал. Так что, если кто-то говорит, что ученик Рихтера, дикость, абсолютная ложь! Никогда ни официально, ни неофициально. Может быть, те, которые много слушали его,

считают себя какими-то последователями, учениками, но в смысле каких-то... Не было никогда.

Нина Дорлиак и Святослав Рихтер

Жизнь Рихтера в семье Прохоровых

Д. С.: А когда он к вам на постоянное место жительства переехал?

В. П.: На место жительства? Я вам скажу: в 41-м году в ноябре. 4 ноября арестовали Генриха Густавовича, и приблизительно в начале ноября были все эти высылки с паспортами. Немцев, значит, вызывали, разрывали паспорт и все это. Наверное, в середине ноября или к декабрю ближе 41-го года они вот пришли. По-моему, я рассказывала вам. Он как раз в ванне купался. «Лихтеру явиться с сумкой». Он говорит: «Я протянул так руку: „Что это такое? Лихтер? Я не Лихтер, а Рихтер. Не пойду!“».

В общем, решено было, что он... Когда мама поговорила с тетей Милицей, она тетя же моя, они решили, что, конечно, оставаться ему там нельзя, тем более Генрих Густавович арестован. А у нас стараниями КГБ в этой общей квартире освободилась комната, потому что арестовали моего дядю и его сына, моего двоюродного брата. И мы жили: мама моя, моя двоюродная сестра и я. И решили там... Ну, он приходил все-таки к тете Милице, но уже переехал, потому что опасно было. Они могли схватить в любой момент. И только вот так до 45-го года включительно. Вот.

Д. С.: Ну, вот вы говорили, что такой страшно одинокий человек. Тогда он тоже производил такое впечатление? Или нет?

В. П.: Что? Кто?

Д. С.: Совершенно одинокого человека. Рихтер.

В. П.: Одинокого? Нет.

Д. С.: Вы потом говорили, что...

Отношения Святослава Рихтера с матерью

В. П.: Нет, я не говорила, что он страшно одинокий человек был. Для него было страшной трагедией предательство матери, это я вам говорила. До этого Свет, собственно, жил вот такой мыслью, что... Доходили слухи, но уже потом доходили, что немцев в Одессе всех расстреляли, но также дошли слухи, что мать жива и с ней ничего не произошло.

Д. С.: А что, не переписывался, нет?

В. П.: Как же можно?!

Д. С.: Невозможно?

В. П.: Дима, Митя, как ты это себе представляешь? Одесса занята немцами, и он переписывается из Москвы? 23 июня он должен был вместе с Толей Ведерниковым лететь в Одессу, а 22-го началась война. И все рейсы были отменены. И он никуда не полетел. И было письмо последнее, открытка от матери, что «мы ужасно тоскуем, что мы не вместе, но папа чувствует себя ничего, уж что будет — то будет». Вот такое было.

Когда Одессу взяли, то были потом слухи, но это было только на уровне слухов, потому что Одесса была оккупирована в 44-м году весной¹, по-моему, да. Это надо было у Игоря спросить. Что отца вроде арестовали, но мы так и предполагали. Если он оставался в Одессе, то, конечно, его не могли не арестовать как немца. И что мать жива, здорова, работает. Вся мечта была увидеть мать. И в начале войны пришла еще такая открытка, которую написала... Ну, она путешествовала, путешествовала эта открытка, дошла, по-моему, уже только через полгода, где мать пишет, что «у нас подходят уже немцы, но мы надеемся как-то пережить, я вот слушала концерт Чайковского, по радио передавался, и я представляла, как ты играешь, и тоска разлуки разрывала мне сердце». Я хорошо помню эту фразу. Это была последняя открытка, которая дошла.

¹ Весной 1944 года Одесса была освобождена, а не оккупирована.

Потом вот эти годы. Ну, сначала за ним охотились так, а потом порядка-то нет! Не пришел Рихтер — не пришел. Значит, к Нейгаузам приходил, никогда в жизни не оставлял их, ну что вы, нет. Но как-то не ночевал никогда там, потому что они же по ночам ходили, и потом там были тревоги, и все это уже. Так что тот период, когда Москва была в осадном положении, и первую половину он не работал. Считалось, как-то так он... Консерватория эвакуирована была, где-то они там это... Следовательно, как же могла она с ним познакомиться в Ташкенте, когда он не выезжал из Москвы ни разу?

Д. С.: Вообще не выезжал?

В. П.: Он не выезжал во время войны из Москвы. Он же не был эвакуирован. Как же он мог? А до этого он в Ташкенте не бывал, и Нина не была. Так что они познакомились в Москве.

Святослав Рихтер с бригадой Московской филармонии. Москва, 1943. Источник: persons-info.com

Д. С.: Почему же она так говорит, интересно?

В. П.: Я не знаю. Может быть, ошибка какая-нибудь? Потому что тут никакого не было смысла обманывать. Никакого смысла обманывать. Может, она имела в виду с матерью как-то? Не знаю.

Д. С.: Ладно, это уже...

В. П.: Это неважно, это никакой роли не играет. Они потом стали играть вместе, как вы знаете. А вот потом уже, когданемцев-то гнали от Москвы, его стали посылать от ВГКО², было такое концертное объединение, в ансамблях, с гитаристами, с балалаечниками. Они и вместе играли, и отдельно. В госпиталях играли и на фронтовой части. На север в основном. Кстати, он встречался с Руслановой тогда. В восторге от нее был, говорит, что невероятная личность.

² ВГКО — Всероссийское гастрольно-концертное объединение. С 1931 по 1947 год носило название Всесоюзное гастрольное объединение.

Д. С.: Да?

В. П.: Да, и такой удали. Она на передовой пела всегда, вылетала и в мороз, и ночью, вот такая.

Д. С.: Действительно, сильная женщина.

В. П.: Очень. Вот это была война. А потом уже затихло, за ним перестали как-то следить, и возобновилось это после взятия Одессы, когда выяснилось, что мать... Вернее, не взятия, а освобождения Одессы.

Д. С.: Ах, да, это стало известно, по всей видимости, тем, кому следует.

В. П.: Так и не только кому следует и не следует, и Святославу, естественно, стало известно. Он настолько был уверен, что мать с ним соединится. Поскольку она не работала нигде, ее не арестуют, в общем, как-то... Он все время говорил и маме моей, и вот Любе. Люба — это сестра [моя]. «Ой, — говорит, — мама пироги такие печет! Ну, подожди, мама тебя научит! Мама так сошьет!» Она ведь шила великолепно. Талантливейшая женщина была! Красивая, ярко-рыжая такая, правильные черты лица. У Света ровно такие же волосы. У него же шапка рыжих волос была! Да, как он говорил, его в школе дразнили: «рыжий пес на паре колес». Такая дразнилка (*смеется*). Вот.

Святослав Рихтер с родителями. Одесса, 1932. Источник: sviatoslavrichter.blogspot.com

Он написал письмо матери, которое мы отправили с другом семьи. Он был инженер, строитель и отправлялся с первыми самолетами в освобожденную Одессу. Потому что туда не пускали. Поскольку он знал семейство Рихтеров, он должен был от Света передать письмо матери. Естественно, все там, и тетя Милица написала, мы все написали, что вот какой там Светик, что все в порядке. И он написал. А он уехал в Тбилиси с концертами, потому что уже концерты у него были. Вот. Этот человек уехал и через недели две-три вернулся. Когда Святослав еще не вернулся, мы с сестрой пришли узнать.

Он сказал: «Знаете, хороших вестей нет. Анна Павловна ушла вместе с немцами, когда наши войска подходили к Одессе».

Д. С.: Для вас это был просто шок, наверное.

В. П.: И ушла, как выяснилось, она вместе... Я вам рассказывала про Кондратьева.

Д. С.: Да-да-да.

В. П.: Который встал на ноги, резвый, взял фамилию Рихтера, убиенного в КГБ и арестованного, благодаря... Слухи были, и Свет думал, что это донес сам Кондратьев, но это не подтверждается. В общем, это на уровне слухов. Дело в том, что когда мать перевезла так называемого инвалида к себе на квартиру и отказалась эвакуироваться, потому что Кондратьева не взяли, они остались. А немцы были уже совершенно под Одессой. Как Свет говорит в этом фильме: «Я думаю, что папа все понял». Отца арестовали, расстреляли. Говорили, они баржу потопили, но это неважно. А Анна Павловна продолжала жить и работать. Этот Кондратьев там гулял прекрасно на свободе. А когда уходили немцы, то он взял фамилию Рихтер, значит, как отчим Святослава. Он удалился. Это я вам говорила.

Эрудиция и аполитичность Рихтера

Д. С.: Вера Ивановна, я у вас хотел спросить такую вещь: просто вот человек Рихтер. Вот он у вас жил, поэтому вы его литературные вкусы, предположим, какие-то пристрастия живописные, что-то такое...

В. П.: Вы знаете, Рихтер был человек редкой эрудиции, редкой, и памяти такой же редкой. Абсолютно. Вот он спрашивал: «Слушай, ну-ка, скажи, как в „Строителе Сольнесе“ звали героя? А в „Бранде“ Ибсена?» Ну, некоторых помнишь, некоторых нет. Абсолютная память всего того, что он читал, любил. У него вкусы самые широкие были. Кто-то был потрясен, увидев его... Как раз тут осада Москвы, мороз даже, он книжечку читал по-немецки «Dichtung und Wahrheit»³ Гёте. Где Гёте пишет и о

творчестве, и о жизни. Гомера знал прекрасно: «Ну, расскажи, почему погиб Гектор?» Естественно, мы там знали, кто-то не знал. Очень любил Гёте и Шекспира, великолепно знал. Знал также русскую литературу очень хорошо, Тургенева, Толстого, но особых пристрастий у него не было. Скорее, ценил какие-то у Достоевского его прозрения...

³ Автобиографическое сочинение Гёте «Поэзия и правда».

Д. С.: Эпизоды скорее?

В. П.: Не столько эпизоды, как, например, в Достоевском он... Не воспринимал, он антифилософского склада совершенно, вот размышлять, как, что, почему. Философская мысль совершенно ему была чужда, но он настолько ярко видел жизнь. Вот все, что он говорил, ну, «Бесы», например... Это надо же видение такое Достоевского... Это же абсолютно, вот какие-то вещи.

В смысле историческом — он великолепно знал Грецию, Рим, но нашу, вот то, что после революции... «Подожди, — он говорил, — кто там вожди, а кто иуды?» Ведь он не мог кончить одно время консерваторию. Мы с ним занимались полит. этой, потому что... «Подожди, Ленин — вождь. Сталин — вождь. А Троцкий — иуда. А другие как? Скажи, Молотов — это вождь или иуда?»

Д. С.: Это он уже играл?

В. П.: Ничего подобного! Это была абсолютная правда. Он был абсолютно, непосредственно: «И какая скука политика. Боже мой, это же такая скука! Это же уже было! Ой, боже мой! Нет, ужасно!»

И когда ему надо было сдавать историю партии, он такую книжечку нарисовал себе, где картинки были. «Ленин вскрыл корни оппортунизма». Значит, Ленин с лопатой, — он хорошо рисовал, между прочим, — и он роет что-то. «VI съезд партии, партия ушла в подполье» — дом, подпол, там звездочка эта. «Партия ушла в подполье». Чтобы вот какие-то вещи...

Д. С.: Это здорово просто (*смеется*).

В. П.: Нет, нет, и военное дело. Он начал его, это самое... «Хороший ты человек, Рихтер, — говорил ему учитель, — но солдат из тебя не выйдет». Он говорил: «Ну ничего». Он заряжал через дуло ружье. Нет, он совершенно не притворялся. Он действительно не знал. Поэтому даже когда меня допрашивали насчет него в КГБ, насчет политики, я говорила легко. Он был абсолютно... Генрих Густавович написал: «Абсолютно аполитичен». Просто эта область его совершенно не интересовала. Он ничего в ней не знал. Обо всех этих революциях... Он помнил литературно князей, Древнюю Русь, крещение Руси, Владимир, батюшка...

Д. С.: А это его интересовало?

В. П.: Его интересовало с точки зрения литературной, скорее, такой эмоциональной. Понимаете, не то, что последовательность князей.

Д. С.: Так может, ему Карамзин нравился в таком случае? Не знаете?

В. П.: Он мог. Он читал, ему нравилось, да. Он читал. Знаете, если уж он начал читать, он с самого начала до конца прочтет. Он Томаса Манна любил ужасно. Знал просто некоторые вещи: вот где герой такой-то, с кем Ганс Касторп⁴ там спорил, как, что, какие там были Будденброки. Вот. Бальзака — меньше. Почему-то очень любил Золя. Вот это никак понять не могу. Он говорил: «Он так дает жизнь». Я говорю: «Ну какая жизнь, это все очень натуралистично». — «Нет». Он очень так его... Бальзак — конечно, прекрасный писатель, да. Вот к Золя у него была такая какая-то симпатия.

⁴ Герой романа Томаса Манна «Волшебная гора».

Д. С.: Это все показывает человека.

В. П.: Да. Ему интересно вот это было. Замечательно знал Ибсена, Кауфмана.

Д. С.: И театр он вообще любил.

В. П.: Театр любил! Для него театр — абсолютно. Начиная с греческого театра, который тоже он себе представлял, потом французская вся вот эта... Да, конечно, шекспировские все... Шекспира — Святослав знал всех героев пьес, по-моему. Не только ведущих просто героев, там Гамлет, Клавдий или Юлий Цезарь, но и всех второстепенных. «Когда это произошло? А когда это произошло? А почему? Что случилось?» Вот так нас любил вопросами... Память замечательная была.

Д. С.: А стихи какие любил?

В. П.: Меньше. Меньше любил стихи, да. Некоторые только. Ну, Пушкина и отдельные стихи отдельных поэтов. Проза для него была гораздо более значима. Вот с Генрихом Густавовичем у них было в этом отношении несогласие. Генрих Густавович обожал стихи и ставил слово выше звука.

Д. С.: Да, он говорил...

В. П.: Да, он говорил: «В начале было слово». А Свет — нет. И вот стихи... Он говорил: «Да, вот это стихотворение мне понравилось, хорошо...» Пастернака некоторые вещи он наизусть тогда знал. Помню, вот это он повторял:

*«Твое творение не орден:
Награды назначает власть».*

*А ты — тоски пеньковой гордень,
Паренья парусная снасть»⁵.*

⁵ Из стихотворения Бориса Пастернака «Все наклоненья и залог», 1936

Вот то, что ему как-то вот вошло, он запоминал великолепно. Но поэзия как таковая, чтобы он сидел с книжечкой Блока или Цветаевой... Ахмадулиной некоторые стихи ему нравились.

Д. С.: Ахмадулина даже?

В. П.: Да, нравились. Они знакомы, познакомились через Юру Нагибина. Они дружны были с Юрой очень.

Юрий Нагибин

Д. С.: Кстати, о Нагибине тоже можно сказать, интересный все-таки человек.

В. П.: Юра — очень. Он не просто интересный, он замечательный человек. И совершенно облик его искажен, не понят. И я тут просто была счастлива случайно среди нескольких друзей моих... Музыкальный был такой вечер. Там были разные люди, в том числе был Приставкин. Вы знаете, он вдруг с такой благодарностью и таким восторгом стал говорить о Юре Нагибине, я просто к нему даже... Хотя он какой-то никакой. <...> У него страшные вот эти рассказы. Юра его очень жалел и помогал ему. И вдруг он с такой любовью заговорил: «Нагибин Юрий Маркович — это же такой человек! Он такой...» И у меня даже к нему такое сразу теплое чувство. Это я говорю так, между прочим.

Д. С.: Вера Ивановна, о Нагибине, действительно, можно что-то рассказать. По-моему, это стоящая...

В. П.: Это был удивительно тонкий человек, с таким же тонким чувством юмора. Очень скрытный.

Д. С.: Вот это да.

В. П.: Очень. Внешне старавшийся быть таким вот светским львом. Между прочим, я такого успеха ни у кого не видала, хотя видала очень красивых. Нельзя сказать, что Юра был красивый, нет, но у него что-то вот...

Д. С.: А я, кстати, не помню его портрет совершенно.

О родителях Юрия Нагибина

В. П.: Юра? Ну, считалось, что он еврей, думали, что там было у него что-то...

Д. С.: Как не еврей?

В. П.: Нет, Юра — нет. Я же их знаю, слава те господи. Ксения Алексеевна — русская дворянка. Красавица мать у него была, с золотыми волосами, чудные черты лица. Долгое время Юра считал своим отцом такого Левенталья, Марка Левенталья. Он поэтому и Маркович. А Ксения Алексеевна, потом, когда оставила, что... Этот Левенталь был очень дружен с одним русским белым офицером, который погиб в Берлине и сказал, что Ксения... Она очень хороша была собой, Ксения Алексеевна. «Вот женись на Ксении и ты будешь потом моего сына... Мой сын пусть будет...» А Юра считал... Кстати, у него есть хорошая повесть «Встань и возьми свою...»⁶, евангельская.

⁶ Повесть Юрия Нагибина называется «Встань и иди».

Д. С.: «Встань и возьми свою постель...»

В. П.: Да, и неси. «Возьми свою постель и иди». Это про человека, которого он считал своим отцом все время, и как его дико мучила совесть, что этот отец... А Ксения вышла потом замуж, потому что Левенталья арестовали. Он где-то во время войны, по-моему, совершенно в лагерях исчез. Ксения Алексеевна была человек очень твердый, жесткий в чем-то. Ее действительно настоящей любовью, единственной, был Юрка. И когда Юра был на фронте, и контужен был, потом вернулся, значит, его рассказы какие-то стали печататься... И она совершенно не хотела, чтобы упоминалось даже, что...

Д. С.: Что?

В. П.: Что отец его где-то. Левенталь пропал вроде без вести, потому что во время войны потеряли с ним связь совершенно. Он был в лагерях где-то. Вдруг он объявился уже после войны где-то в какой-то ссылке. Хотя Юра уже писал, что отец погиб, понимаешь ли.

О женах Юрия Нагибина

А Юра в своей несчастной, я бы сказала, судьбе с многочисленными женами был временно женат на доченьке этого с ЗИЛа, как его звали-то... А, Лихачев! Ванька Лихачев.

Д. С.: Да?

В. П.: Да, а как же! Это ее был второй брак, но она безумно в Юрку влюбилась. И тут же она Ксении Алексеевне начала какие-то привозить цветы, какие-то помидоры, ягоды, хотя это было...

Ксения Алексеевна: «Ну ладно, пускай». — «Ксения Алексеевна, что же вот Юрка наш, такой он замечательный». Она: «Да ну бросьте, Вера! Разговаривать если надо... Все бабы одинаковые! А разговаривать — так мы с Яшкой на то есть!» Это отчим,

очень умный человек. Его звали Яков Семенович. «И мы есть. А, не все ли равно...»

У Юрки был роман, но он не собирался на ней жениться, но папенька Лихачев его вызвал, сказал, что «моя дочь не „б“, и ты смотри, если ты не женишься на ней, то твоей матери и так далее будет плохо». В общем, Юрка поддался, но это был недолгий брак все равно. И в это время как раз выяснилось, что отец-то живой, и он звонил откуда-то. В одном из рассказов, помню, у него есть, что жена проснулась, сказала: «Какая-то сволочь звонит утром!» И они, значит, тайно как-то это вот...

Д. С.: Это влияло как-то, что у него есть жена, на то, что объявился отец?

В. П.: Да не жена, нет. Что отец в лагерях, то есть он был в ссылке уже тогда. А уже в документах было, что отец погиб, понимаешь ли. И здесь уже...

Д. С.: И это способствовало разводу?

В. П.: Да нет, это не способствовало разводу. Просто это было страшное оружие против него, что он от советской власти скрывает: мать — дворянка, отец — злостный там этот, скрывается где-то. Его называли погибшим, а он, видишь ли, где-то такой вот.

Д. С.: Жив.

В. П.: Ты же не представляешь себе, что это.

Д. С.: Я и не могу представить.

В. П.: Ты не можешь. Вот, милый, интеллигентный мальчик, и читаешь, и знаешь... Это чувство для нас, когда... У него это описано, по-моему, в «Живи и помни»⁷, по-моему. Нет, не помню, как называется. Или в «Встань и...» Это рассказ. Ты не читал этот рассказ? Хороший рассказ. У него есть некоторые слабые рассказы.

7 «Живи и помни» — это повесть Валентина Григорьевича Распутина.

Д. С.: Кажется, я вообще ничего у него не читал.

В. П.: Хороший рассказ. Вот ночь, четыре утра, отец звонит из какого-то маленького городишки рядом с деревней, где он жил. И вот просыпается жена, ругается: «Сволочь какая-то звонит...» И он думает: «Боже, только бы она ничего не узнала. Она узнает, тогда будет и отцу плохо, и матери». Это все так! Ты не представляешь. Действительно, когда Лихачев говорил, ничего не стоило сказать про Ксению Алексеевну, которая, кстати, говорила о советской власти так, что за это двадцать лет можно сразу. Она ненавидела советскую власть.

Д. С.: А сам Нагибин?

В. П.: Юра?

Д. С.: Он просто осторожнее был?

В. П.: Конечно, никогда не высказывал. Мы говорили вот так, а так абсолютно... Надо сказать, нигде у него в рассказах никакого восхваления Сталина нет. У него всегда просто вот такая вот: человек, дети. Некоторые очень приятные рассказы, некоторые такие...

(Перерыв в записи)

В. П.: А с Рихтером они были очень дружны.

Д. С.: Рихтер с Нагибиным?

В. П.: Да. Кстати, любили Платонова. Я не люблю Платонова.

Д. С.: Я понимаю, почему вы не любите. Я его, скорее... Хотя тяжело...

В. П.: Юрка наизусть Платонова мог. Генрих Густавович очень любил Платонова. И Святослав. Вот они как начинали. Господи! То есть он, конечно, потрясающе одаренный, но тяжесть языка, его какая-то особенная форма мышления мне чужда была.

Д. С.: Просто жуть, жуткие всякие образы.

В. П.: Да, абсолютно. А этот «Котлован»! Кстати, Святослав все мог читать.

Д. С.: А это рассказ «Мусорный ветер» — это что-то жуткое.

В. П.: Ой, Митя, не говори мне, не вспоминай. Нет уж, не вспоминай, я не могу. Я некоторые прочитала. Я просто закрыла «Котлован», как медведь пошел раскулачивать... Ты читал «Котлован», да? Ну вот. Я уж тут же закрыла. И там еще девочка, гробик у нее был, она играла... «Надо же, чтобы у девочки свой красный уголок был!» Она гробик... А Святослав очень любил, у них с Юрой... Да, Святослав страшно любил Пруста, и Юрка любил Пруста. Они наизусть целыми главами «В сторону Свана», «Комбре»... Я говорю, у Святослава такой широкий охват литературы, начиная с Гомера, кончая Прустом, Платоновым...

Д. С.: Вера Ивановна, а сам Нагибин не знал о том, что его отец белый эмигрант? Только после смерти матери?

В. П.: Только после смерти матери. Это у него есть в дневниках. Вы знаете, с Юрой что-то произошло. В общем, после контузии, очевидно, он был невероятно нервный, и что-то было... Какая-то даже еврейская тема поднималась. Он говорил: «Я себя считал евреем наполовину, а тут оказалось, что я русский. Как же так?» В общем, эта тема началась у него как-то. Потом тематика у него как-то изменилась. Он стал писать на какие-то темы, — при его удивительной такой выдержке,

скромности, — о вождях, каких-то романах. Просто у меня было ощущение, что Юра куда-то откуда-то сам от себя уходит. И так из жен из многих... Действительно, конечно, по интеллекту у него был с Беллой Ахмадулиной настоящий такой духовный брак. Она абсолютно потом как-то от него отрекалась, а он... Хотя они ссорились страшно. Тут добрые люди, конечно, помогли. Они бежали, рассказывали про Юрины победы, а Юре — именно про нее. Короче говоря, они разошлись.

Д. С.: Как обычно.

В. П.: Последняя жена была просто порядочная женщина такая. Она переводчица, которая стала Юре и секретарем, и сиделкой, и нянкой, и строителем, и кухаркой, — все, что угодно. Действительно, она абсолютно взяла на себя заботу о хозяйстве, но Ксения Алексеевна уже умерла тогда. То есть она вошла в дом, когда Ксения Алексеевна уже была тяжело больна. Потом она взяла все в свои руки, действительно вела дом блистательно, заботясь о нем. Это последняя была жена.

Д. С.: Как звали ее, вы не помните?

В. П.: Алла, я прекрасно помню. Я всех жен помню. Мы же на фоне все время... Была первая у него — падчерица философа Асмуса, Маша.

Д. С.: Да?

В. П.: Это первая его жена была.

Д. С.: Хороший разброс: сначала дочь Асмуса, а потом дочь Лихачева.

В. П.: Да. Дочь Асмуса была на уровне, простите, дочери Лихачева.

Д. С.: Да?

В. П.: Совершенно. Знаете, как выставляют манекен. Хорошенькая, но буквально в парикмахерской вот такие. Завитая, абсолютно что-то такое вот... Девушка, которая на бал советский пойдет. Совершенно. Она была падчерица Асмуса. Им было по семнадцать лет, когда они влюбились друг в друга и решили пожениться. Ну, Юрка от матери ничего не скрывал, ей сказал. «Ну, — говорит, — ладно, женись». А Маша ничего не могла сказать, потому что мать мечтала выдать ее за генерала, а Юрка был какой-то мальчишка, который учился в медицинском. Потом он ушел, то ли его выгнали. Это еще до войны было. И они тайно поженились.

Когда началась война, Юрка решил идти на фронт. Ксения сказала: «Иди, нечего тебе здесь», — несмотря на то что она Юрку обожала. Тогда не было такого, что вот только не пускать, и это была защита страны. Он пришел проститься на дачу, но мать стала гнать его: «А ты что пришел?» Он говорит: «Хочу проститься с Машей». — «А какое тебе дело до Маши?» — «Она моя жена!» Тогда мать закричала, истерика с ней: «Маша, покажи сейчас же паспорт!»

Маша показала паспорт, что она жената. Тогда мать стала рвать паспорт и кричала Асмусу: «Выгони его с дачи! Выгони его с дачи немедленно!» Тот говорит: «Как я его буду гнать? Я не знаю». — «Трус! Выгони этого негодяя!» Ну, Юра ушел, а Маша...

Началась война. Юра был недалеко сначала. Контужен-то он был где-то за Москвой, а тут был недалеко от Москвы. Какой-то день выдался, что вместе с грузовиком, который ехал на несколько часов в Москву забирать провиант, что ли, для части, его взяли. И он должен был сидеть дома, вот напротив нас в переулке, и позвонил Маше, чтобы она пришла, потому что он выходить никак не мог. И она к нему не пришла. Мать не пустила.

После Юрка был контужен, болел долго. А потом вот начались его эти здесь... Уже он стал военным корреспондентом, пошли рассказы. Юрка стал печататься. А я как раз встречала вот эту Ирину Сергеевну, мать, и самого Асмуса, и Машу у Генриха Густавовича. Потому что Асмус был в хороших отношениях, дружил с Генрихом Густавовичем, с Борисом Леонидовичем. И тогда уже Ирина Сергеевна говорит: «Вы, кажется, соседи с нашим Юрочкой?» Я говорю: «Да, соседи». Видите, уже стал «наш Юрочка». Но Юрочка уже не мог.

Тогда начались всякие бурные романы. Роман с этой Валей Лихачевой, на которой он женился, потом развелся. Параллельно у него было другое еще — хорошая женщина, очень верная ему, но тоже как-то не получалось. Потом вот Белла. Как раз когда я из лагеря вернулась. Белла была же замужем за Евтушенко. Вот она с Юрой встретилась. Это была действительно... Белле было двадцать три, они развелись, и был... Семь лет они были вместе все-таки. И вот как-то они блистательно разговаривали, понимали друг друга, но там было многое тоже. И Белла пила, и Юра очень так... Были такие стычки. А люди добрые все время, соседи...

Д. С.: Люди добрые всегда готовы...

В. П.: «А Юра-то там пошел... А Белла-то, между прочим, Юрочка, когда вас не было...» Где-то что-то правда, где-то что-то ложь. В общем, Белла ему что-то очень резкое сказала, что «ты советский человек, советская сволочь», — что-то вроде. Это его окончательно обозлило. Он швырнул ее вещи с лестницы. Она тут же перешла в соседний дом к обожавшей ее соседке, и все. Потом начались такие интриги, и в результате они разошлись.

Юрий Нагибин и Белла Ахмадулина. Источник фото: story.ru

Надлом характера Нагибина

Д. С.: А что за среда была вообще? Вот мать Нагибина? В какой он среде вырос?

В. П.: Мать. И Рыкачев — отчим...

Д. С.: Как?

В. П.: Ры-ка-чев. Он был критик. Его еврейская [фамилия] была какая-то другая. Ну, не знаю. Он критик был, писатель, очень умный человек, с идеальным русским языком. Еще из гимназий из таких. И действительно, как Ксения Алексеевна сказала мне: «Для меня Яшка... То, что он любит Юрку и дал ему образование... Только вот так. Яшка на месте». Но он Ксению Алексеевну в очень таких вот ее порывах сдерживал как-то: «Ксения, так не надо!» Потому что действительно она могла быть очень резкой. И с дамами с Юркиными совершенно... Яков Семенович всегда был выдержанный, вежливый, хотя он очень... Мы с ним как раз на похороны Пастернака ездили. Он заехал за мной. Юра лежал, у него был тогда приступ сердечный, что ли. Юрка говорит, что с сердцем было...

Д. С.: Он ведь от сердца и умер?

В. П.: Да. Во сне. Он после ужина сказал жене: «Алла, ты знаешь, я пойду полежу». Уснул и умер во сне. Он не мучился хоть, слава богу.

Д. С.: Вера Ивановна, вообще это известный факт про белого эмигранта?

В. П.: Что?

Д. С.: Белый эмигрант — известный факт? Он пишет об этом?

В. П.: Юра пишет об этом в своих последних изданиях и в дневниках. Но я начала читать... Честно говоря, мне очень не хотелось, потому что образ Юры, который был в юности нашей, в молодости... Здесь он где-то сломленный, где-то уже...

Д. С.: А что его сломало, как вы думаете?

В. П.: Ну, его сломало, во-первых... Я-то думаю, что у него где-то после разрыва с Беллой тоже началось такое «абы кто и что», понимаешь. Выпивал сильно. Ну, все-таки засасывает тоже вот эта какая-то среда. Мы виделись потом очень редко с Юрой.

Д. С.: Вы больше в войну?

В. П.: Ну, уже в войну дружны были. Как мама говорила: «На завалинку пришли они». Мы на первом этаже, а они — дом напротив, писательский дом, где Булгаков жил когда-то. Вот Юрка. И приходили, и когда Свет жил, у нас игрища были, шарады так называемые. Прошла вся война вместе, очень дружно. И все Юркины приключения...

Д. С.: А какие приключения?

В. П.: Вот то, что у него было...

Д. С.: С дамами?

В. П.: Да. Почему к Юре у меня особое еще чувство. Когда меня арестовали, Юра писал все время. Он и Генрих Густавович. Он подписи взял с нескольких людей и писал о том, что это совершенно несправедливо. Меня освободили по двум каналам: комиссия Хрущева и заявление Нагибина, который писал все время через прокуратуру. Меня это, конечно, бесконечно тронуло, потому что при всех его других делах вот так он относился. Он маму мою очень любил и сестру, ко мне тоже очень хорошо... То есть где-то он даже про нас написал, что вот он приходил, «кабачок» у нас был, но это отдельный такой рассказ, замечательный.

И дружили с Рихтером. По вечерам сидели, рассказывали, вспоминали они из Платонова, из Пруста прямо кусками. Очень у Юрки эрудиция блестящая была, начитанность и тонкость понимания всего такого замечательная. Вот такие они были. Думаю, может быть, даже наследственное какое-то. Я говорю: «Ксения Алексеевна, вы хотели Юрку? Вот раз уж детей, там?..» — «Да вы что, Вера Ивановна, вы с ума сошли? Я со всех шкафов прыгала, не хотела, чтобы он родился, но он родился».

Д. С.: Ничего себе!

В. П.: Да, она лихая. «А вот родился, и мне дали, и стала его кормить, и так мне его жалко стало, так полюбила». Обожала Юрку. И он обожал мать. Смерть Ксении Алексеевны для него была сокрушительна... Вот как для Святослава предательство матери — сокрушительный удар. Какое-то у меня ощущение, когда... Ты можешь посмотреть, он это пишет, что «я только потом узнал...» Он это начинает потом увязывать с еврейским вопросом: «Я думал, что я малоеврей, наполовину и то-то, и то-то, а вот оказалось так, и я теперь...» Вот у них смесь скакой-то Достоевщиной, вот то, что он узнал потом. Это мне чуждо как-то было.

Виделись мы... Ну, Юрин день рождения — это 3 апреля. Беллин — 10 апреля. И вот он не дожил до своего дня рождения. В 20-м году он родился. Он моложе меня был.

Д. С.: А в каком он умер? Уже в 90-х, по-моему.

В. П.: Да, да, я не помню, неважно. Он умер уже... Там у него уже какие-то про романы вождей. То есть не похожи, с его каким-то таким вот отношением брезгливым очень... Что такое? Кстати, как-то Беллу, которую очень редко вижу, где-то на выставке встретила. Она о Юре вообще... Вот книга ее — она вспоминает каких-то еще мужей, своего этого Евтушенко. Юра — как будто у нее какая-то обида на него осталась. И я просто сказала: «Белла, вы читаете Юру, ну что с ним случилось?» «По-моему, он где-то с ума сошел. Что-то с ним случилось», — сказала Белла.

Д. С.: А вы так думаете?

В. П.: Я думаю, она очень умная, пронзительный мозг у нее такой. Я говорю, что это просто не он. Вот что это? Какой-то роман Сталина или еще кого-то. Я не хочу читать это! Про какую-то тещу свою эту омерзительную, Лихачеву, которую он видеть не мог. Откуда, что у него роман с ней, какая-то золотая... То есть совершенно... Что такое случилось с человеком, не знаю. Я сознательно не хочу это читать. А вот этот рассказ про отца я вам советую. Потом у него очень хороший фильм был «Председатель». Его хотели куда-то выгонять, потому что это считалось антисоветским.

Д. С.: Время ломает. Каждая судьба сложная.

В. П.: Да. Он человек очень...

(Перерыв в записи)

Дружба с Игорем Шафаревичем

Д. С.: А Шафаревич никогда с ними не знался?

В. П.: С кем?

Д. С.: С Рихтером, с Нагибиным.

В. П.: Как? Это его друзья были!

Д. С.: Да?

В. П.: Конечно!

Д. С.: И с Нагибиным, и с Рихтером?

В. П.: И с Нагибиным. В шарадах участвовали вместе с Шафаревичем. Мы с ним в паре были, как правило, в шарадах.

Д. С.: Веселая у вас компания была.

В. П.: Да, у нас была веселая компания. Причем мы с ним иногда менялись. У Игоря носик такой курносенький. Если ему надеть платочек, он очень хорошенькой девочкой был. Я помню, я какого-то играла гусара, что ли. А люди должны были догадываться. Почему это назвалось «игрища»? Потому что в шарадах же говорят, а это было немое.

Д. С.: А, это загадывают двух персонажей.

В. П.: Да, загадывают. Нет, почему двух? Пожалуйста, из любой, догадывайтесь откуда. Я помню, Святослав Одиссея изображал. Корыто, так держал дуршлаг над головой, как будто он... Значит, Одиссей плывет. Здорово. Потом он изображал

русалку. По-моему, говорила тебе, как он сделал из зеленой шерсти Любиной (Люба вязала) себе волосы, а я была князем Ростиславом, который на дне речном лежит. И я сплю на дне речном, а он волосы мне так — «и гребнем витязя власы расчесывать златым»⁸. «Днепра подводные красы» изображал. У нас забавные были всякие эти игрища, под знаком КГБ.

⁸ Из поэмы А. К. Толстого «Князь Ростислав».

Д. С.: Почему под знаком?

В. П.: Когда думали, что могут прийти и арестовать в любой момент. Говорили: «Ну, четыре часа, сейчас уже не придут. День прошел».

Д. С.: А Шафаревич?

В. П.: А Шафаревич там жил. Шафаревич раньше уходил. Он жил в другом месте. Шафаревич тоже с нами в игрищах, ну что вы! Абсолютно этим занимались. Наши эти шарады, а потом разговаривали, читали. Шафаревич же очень эрудит большой.

Д. С.: Шафаревич интересный.

В. П.: Да. Математик сколько лет. Он моложе значительно. 23-го года Игорь.

Д. С.: Шафаревич 23-го?

В. П.: Да.

Д. С.: А Нагибин 20-го.

В. П.: 20-го, а Свет 15-го. Так что между ним и его этим была разница.

Д. С.: А Шафаревича, кто-то говорил, что...

В. П.: Шафаревич — предмет ненависти дикой евреев. Считается, что он лютый антисемит. Он не лютый антисемит. Ну, считает, что надо говорить какие-то вещи, которые он прочел. Он считает, что это истина, это надо высказывать.

Д. С.: Он говорит: «У меня не было никогда комплекса неполноценности. Я считал, что куда бы я ни пошел, я всюду стану, грубо говоря, академиком».

В. П.: Наверное, да. Он маленький был, он историком... Историю знал потрясающе. Игорь. Но мы тогда не знакомы были. Мы познакомились, когда уже он был аспирантом. Какое аспирантом! Он уже кончил аспирантуру.

Д. С.: Он же быстро стал всем этим.

В. П.: Да-да-да. Он в двадцать пять лет был уже доктором, по-моему. А тогда он защитил свою кандидатскую. Было девятнадцать, что ли, лет или восемнадцать.

Д. С.: Ну, не в девятнадцать, все-таки в двадцать четыре.

В. П.: Да. Не-не-не, сейчас я вам скажу. Война началась — 41-й, да. Значит, сколько Игорю? Игорь 23-го года рождения. На пять лет младше. У нас пять лет с ним разница. Считайте, сколько же ему было?

Д. С.: С 23-го?

В. П.: Да.

Д. С.: Значит, семнадцать лет.

«Марсельский кабачок»

В. П.: Ну вот. Он написал диссертацию. Действительно, он вундеркинд был, Игорь. Это была компания. Ну как же, наш «кабачок» там. Игорь-то изумительно изображал журналиста. Приклеил себе бороду, ехал на «Библиотеке имени Ленина» в метро, за ним увязался какой-то тип. Очень смешно.

Д. С.: А почему он приклеил?

В. П.: Идея Святослава была изобразить марсельский кабачок. Это был уже 45-й год. Кстати, сурово было очень после войны с КГБ, невероятно. Вот общая же квартира у нас, но соседи наши уезжали в деревню на праздники. Это 8 марта. Свет говорит: «Мы устроим праздник — марсельский кабачок». Голодный год совершенно, по карточкам. Стали талончики какие-то на сахар, на сухофрукты... Ну, чтоб что-то было. Самое главное, надо сделать декорацию «марсельский кабачок». А у нас было так: три комнаты...

Д. С.: А почему марсельский кабачок? Просто так?

В. П.: Потому что Свет представил себе, что действие происходит в кабачке в Марселе. Все приглашенные могут взять на себя любую роль, только не ту, кем являются на самом деле. Кем угодно назовись: садовником, учителем, журналистом. Естественно, говорите на русском языке, но роль у вас какая-то есть. И так же будете знакомиться. Как все люди приходят в кабачок? А Святослав сам был хозяин кабачка, и он же тапер, он же играл там. А уже старшего поколения человек, муж моей приятельницы, нашей общей подруги, он был мсье <нрзб>. Он изображал хозяина, или отцом Святослава считался.

У нас изгиб рояля — это вроде буфет был. Значит, он угощал. Центральная наша комната — сделали там столики, вот так рояль. В другой комнате Святослава было... Тогда ведь нечем украшать было. Обои какие-то купили, их красной, синей и зеленой краской [покрасили], на ленточки разрезали, и всюду были ленточки, плакаты. Но самое главное — это наша

маленькая комната с Любой, с моей сестрой, третья была. Свет посмотрел на потолок и говорит: «Надо здесь сделать восточную комнату, но для этого надо разрушить потолок». Сестра говорит: «Ты что, взбесился? Разрушить потолок? Ты что? Нет!» Говорит: «Знаешь, как надо? Просто платки, шали такие сделать, чтобы было как шатер».

Очень трудно было найти. Это были такие, знаете, цветные, как павлиньи эти самые, разноцветные такие. Ну, приблизительно размером вот с эту штуку. Они были дореволюционного изделия. Найти было довольно трудно, но мы нашли три, а четвертая была у Генриха Густавовича и покрывала диван. Тетя Милица говорит: «Нет, это Галино, не дам!» Милка тогда: «Как?!» А Свет: «Как, не дают, значит, разрушается идея восточной комнаты? Все! Я иду на помойку».

И он тогда выходил как есть на помойку и укладывался прямо на снег. Его оттуда вытащить прямо невозможно было.

Нет, должен быть платок, и все. Мы звоним Миле: «Мила, что делать?» Мила — дочь Генриха Густавовича. «Свет пошел на помойку. Не хочет ничего делать, потому что...» «А, — сказала Милка, — выходи к метро!» Она твердой рукой сорвала... Она очень любила Святослава. В авоську, в мешок и принесла. Это был третий или четвертый платок.

Когда их завязали на эту, то это шатром раскинулось на четыре угла комнаты. Действительно получилось. Потом ковры нам принесли наши участники. С дивана крышку положили на пол, все это накрыто коврами. Получилось, что здесь действительно восточный такой уголок. «А потом, — говорит Свет, — светильник». Где светильник? У нас тяпка была, которой на огороде работали. Чтобы она стояла вот так, Свет положил три тома Гёте. Говорит: «Ничего, это ради искусства». Лежали тома Гёте. А здесь привязали сахарницу. Единственная у нас хорошая была вещь, по-моему, какая-то посеребренная. В ней был сухой спирт. Замотали, светильник горел. В общем, это был эффект невероятный.

Когда как раз Нагибины пришли на этот «кабачок», а там было нас человек сорок или пятьдесят... Мы потом все удивлялись, как нас не переарестовали всех. Потому что человек двадцать было незнакомых, то есть те, которых приглашали.

Д. С.: Откуда?

В. П.: Я тебя, например, приглашаю. Ты говоришь: «С кем прийти?» — «Приводи кого хочешь». Вот ты приходишь с двумя девицами или с парнями. Кто они, что? Узловые были известны. И у нас даже были роли свои, то есть...

Д. С.: А кто?

В. П.: Моя сестра и моя приятельница, они были официантки. Они проводили просто так вот, встречали. Одно условие было: ты — не ты. А кто ты — как угодно. Игорь сделал себе бородку, усы, — журналист. Французский журналист за столиком. Он просто наблюдает нравы. Наша очень хорошая приятельница изображала «дочь радости». С розой какой-то здесь, приставала вроде к нему, говорила: «Я хочу с вами познакомиться. Правда, ты мне не заплатил, но мы с тобой...» То есть знакомились — знакомые или незнакомые. Ты был не ты.

С едой у нас... Мы тоже думали, что делать. Кошмар какой-то. Все, какие у нас были ресурсы, сделали типа плова из крупы, и там были сухофрукты. Все мы копили месяц или два на вино талончики. И у нас вино было. В общем, какие-то сухари. Вот, собственно, все. И сухофрукты еще. Потому что абсолютно ничего не было.

Д. С.: Это же 45-й год.

В. П.: 45-й год, 8 марта.

Д. С.: А почему 8 марта?

В. П.: Потому что это был праздник, и мы в квартире были одни. Соседи уехали в деревню. Мы могли делать, что мы хотели. И вот мы с семи вечера до восьми утра вот так вот. У нас была одна замечательная, она ныне покойная, Кира Алемасова, потрясающая женщина! Она танцевала и пела на столе. У нас такой большой квадратный стол. Она выскочила на стол, танцевала. Такая у нее была накидочка здесь, юбка. И Валёк тогда еще была, супруга Юрки. Она тоже пришла.

Д. С.: Это Лихачева?

В. П.: Она говорит: «А что мне делать?» — «А что хочешь делай». Она как затащила какую-то частушку. «Ой, ты из России, как интересно!» В общем, все нашли свое место там.

Д. С.: Как здорово!

В. П.: Да. А Ксения Алексеевна... Они все-таки старшее поколение, родители вроде, поэтому они как путешественники, очень такие элегантные путешественники. Они приезжают в кабачок, Святослав их встречает и говорит: «Ну как, вам нравится?» А Ксения Алексеевна говорит: «Да, ветер с моря, прекрасно!» — «Пойдемте, — говорит, — здесь восточная комната». А там сидели уже знакомые девицы, они восточного происхождения, армянского, по-моему. Они в каких-то восточных костюмах. Одна из них балерина, потом танцевали вот на столе. А там они сидели, поправляли светильник. Значит, когда вошли, Ксения Алексеевна: «Ой, здесь женщины еще!» А Яков Семенович начал вроде ухаживать. Она устроила ему сцену: «Как ты смеешь?!» Тут крик. Значит, ее там: «Ну что вы, мадам, это просто наши прекрасные танцовщицы, вы не должны так реагировать». В общем, это была живая сцена такая. Очень интересно.

Юрка описал это где-то. Говорят, в записи есть наш «кабачок». Потом уже все друг с другом как-то сдружились, песни какие-то кто как мог исполнял, танцы между столиками. Я помню, уже никто не хотел расходиться. Уже восемь утра, все собрались в восточную комнату, на этих расположились и пели всякие песни. Потом разошлись.

Мы все думали, что нас переарестуют. Ничего. Никого. И нигде не вспоминали мне. Через пять лет меня арестовали. Ни слова, нигде это не фигурировало. Правда, мы не делали ничего антисоветского. Вместе с тем сборище такое! Сорок

человек мы насчитали. Как это прошло в то время, голодное, холодное.

Да, еще замечательно, через всю большую комнату наперекрест были фонарики, которые делала моя сестра и дети наших друзей. И дети уже умирали, спать хотели, а Свет говорил: «Люба, мой свет, ну давай ради искусства, давай еще один фонарик!» У нее руки очень хорошенькие. Свечечки и все эти фонарики зажгли. Очень красиво все. А кафе называлось «Ночные бабочки». Вырезали такие вот бабочки, на стены все было наклеено.

Об арестах родственников и судьбе тетиной квартиры

Д. С.: А чья это квартира, я не понял?

В. П.: Общая квартира.

Д. С.: А кто там жил?

В. П.: Ну как. Четверо соседей разных, мы жили.

Д. С.: А, ваша?

В. П.: Ну как, наша? Это была когда-то квартира моей тети. Тетю арестовали, дядю арестовали, двоюродного брата арестовали. Там жила еще одна пара соседей в одном углу, другая пара соседей — в другом углу, и третья еще — в третьей комнате.

Д. С.: А вы под «кабачок» использовали все комнаты?

В. П.: Нет-нет-нет. Их комнаты оставались, у нас было три комнаты.

Д. С.: Ах, у вас три комнаты.

В. П.: Я же вам говорю, поскольку арестовали дядю и тетю, комната одна освободилась у нас, а у нас было две.

Д. С.: Не подселили никого?

В. П.: Нет. Кстати, приличный был кагэбэшник, который арестовывал тетю, уже 29-го как раз...

Д. С.: А что стало с тетей?

В. П.: Тетя вернулась потом, но она была в тяжелейших условиях, пеллагра у нее была. В 47-м году она вернулась, потом была реабилитирована, прожила еще. А дядя был расстрелян.

Д. С.: А арестовали ее когда?

В. П.: Арестовали ее буквально через неделю после войны. 22-го — война, 29-го ее арестовали. Хотели комнату еще опечатать. У нас три было. А Люба моя, молоденькая, она студентка была, моя сестра. Она говорит: «Ну что ж, опечатывайте. Я думала, может, я комнату сдавать буду, смогу учиться сейчас. Потому что маму мою вы арестовали... Ну, сейчас все. А мне все равно».

Д. С.: А мама ваша тоже была...

В. П.: Нет. Мама моя скончалась уже во время войны, сразу после, в конце в самом. А тетя была в лагере. И комната эта... 47-й год. 45-й — война кончилась. Тогда была жуткая реакция такая. Арестовывали страшно. И так вот получилось, что этот гэбэшник сказал... Он штатский был, их мобилизовали. Звонит кому-то по телефону и говорит: «Не буду опечатывать. Дочь одна у нее, студентка, тут все, тут и умерли уже... Не буду», — и повесил трубку. И не опечатал. Поэтому у нас остались вот эти три комнаты в общей квартире, где еще было две комнаты больших в разных углах квартиры. Это была общая квартира, но когда-то это была квартира моей тети арестованной. Потом ее подселили, заселили и так далее.

Д. С.: А дядя, вы говорите, расстрелян был?

В. П.: Дядя был расстрелян.

Д. С.: А когда?

В. П.: Его арестовали в 40-м году. Двоюродного брата, дядино сына, арестовали в ночь на 41-й год. К нему было предъявлено обвинение, что он выпил за здоровье врага народа — своего отца. Значит, что он не советский. Так у нас начался 41-й год — арестом двоюродного брата. А тетя...

Д. С.: А это по чьей стороне? Это двоюродный брат матери или отца?

В. П.: Нет, это по линии моей мамы. Тетя Люба и моя мама — это сестры родные. Просто мама не дожила [до встречи] с тетей Любой. Она в 45-м скончалась, а тетя Любочка приехала только в 47-м, да и то пряталась до реабилитации. Она в Коврове жила. Она не имела права жить в Москве. Такие вот времена были. Тетя Люба через окно, чтобы соседи не видели, пролезала к нам. Да, вот такие времена были. Вместе с тем это молодость. Молодость есть молодость. Интересы — это интересы. Мы все всегда вспоминали...

Д. С.: «Кабачок» — здорово было.

В. П.: «Марсельский кабачок». Те, кто не были, очень жалели. Некоторые побоялись, потому что думали, будет облава. Не пришли, а потом сожалели какие-то Юркины приятели. Ну что, а вдруг. Не пришли. Такое было у нас. Я говорю, где-то у Юры есть запись этого «кабачка».

Д. С.: Здорово, да.

В. П.: Очень все веселились. Потом эти забавные всякие ситуации. Вот что хотите начинайте про себя рассказывать. Я вот путешественница была.

Д. С.: А Нагибин кто был?

В. П.: Путешественник. Ехала семья. Они так вроде очень нейтрально. Богатые люди, пара, значит, Ксения Алексеевна и отчим его, Рыкачев. Ну, их молодой сын считался спортсменом. Едут они все на состязания спортивные, родители тоже с ним. И вот они остановились в Марселе. Только чтобы они не были тем, что... Вот Ксения Алексеевна устроила сцену. Великолепно! Кричала: «Как? Я не допущу! Сейчас же уходите!» Тут окружили: «Да что вы...» И начал Рихтер за ней ухаживать: «Пожалуйста, что вам сыграть?» Он там же играл, сопровождал всех и играл сам. Вот такой у нас был...

Семья Игоря Шафаревича

Д. С.: Да, здорово. А вы говорите, с Шафаревичем тоже какие-то родственные у вас...

В. П.: Нет. Шафаревич был сыном подруги тетки. Такая Юлия Яковлевна, которая дружна была с тетей Мэри в Житомире. Это родная тетка Святослава. Игорь родился в Житомире, так же как Святослав.

Д. С.: Я думал, он из Одессы.

В. П.: Нет. Он родился в Житомире. Когда ему немцы говорили: «Как вам нравится ваша родина?» Он сказал: «Моя родина — Житомир». «А как Рейн вам?» — «Не могу вам сказать: реки в Житомире нет». Он очень отстаивал свое русское такое. «Моя Родина — Житомир».

Так что такие были веселые и страшные вместе с тем времена. Это было как-то вместе, но вспоминали мы потом всегда с большим удовольствием все это.

Д. С.: А вот сейчас уже, не только сейчас, а вообще потом с Шафаревичем не общаетесь?

В. П.: Ну, с Шафаревичем... Он женился потом как-то, и как математик он продолжает свою деятельность. Нет, я его очень редко вижу у общих друзей или родных. Он очень как-то так... Ну, на уровне хорошего знакомства. Я не считаю его каким-то там лютым антисемитом. Он достаточно умен для этого, чтобы все это как-то... Но воспринимаются все его произведения... Его ужасно ненавидят, а у него в знак протеста... Игорь еще очень упрямый, подчеркнуто говорит: «Да конечно». Ну, такой с юмором очень, саркастичный.

Д. С.: Он говорит замечательно. Когда его слушаешь, он...

В. П.: Да? Я его почти не слышу. По телевизору, да?

Д. С.: По радио я слышал его.

В. П.: Да? Вот я как-то хотела бы послушать. Это считается «черная сотня». В общем, конечно, ерунда. Игорь человек справедливый. Когда вот эта антиеврейская [кампания] началась, у него аспиранты были евреи, он просто категорически их защищал от всяких. Это совершенно забыли. А то, что он там написал «Русофобию», действительно ненавидят очень многие русские! Это же правда! Мне мои еврейские друзья говорили: «Вера, ты не представляешь. Это фашизм наоборот. Они русских...» Мою подругу еврейку травил ее родственники за дружбу со мной.

Д. С.: Да.

В. П.: Так что это тоже бывает. Неприятное явление.

Члены Комитета по правам человека Игорь Шафаревич, Андрей Сахаров и Григорий Подъяпольский. 1978. Источник: Сахаровский центр

Д. С.: А семья у Шафаревича какая? Насколько я знаю, интеллигенция.

В. П.: Да. Фамилия у него белорусская. Ростислав Степанович его отец. Он больше на мать похож, Игорь. Он профессор математики был.

Д. С.: Тоже математик?

В. П.: Да, математик, но он где-то в Баумановском был. А мать была музыкантша хорошая, но не профессионал.

Д. С.: Он ни на чем не играл? Шафаревич не играл?

В. П.: Играл. Свет говорил, что он даже довольно хорошо. Он не учился просто. Музыкальный, очень музыкальный. Они очень дружили со Святославом. Играли вот вместе. Все это у нас. Такая компания была разношерстная.

Д. С.: Да, какие разные люди, совершенно ведь.

В. П.: Да, совершенно. И вместе все это было, и спорили, и разговаривали. В общем, была очень насыщенная жизнь. И читали вместе очень много, спорили об авторах.

(Перерыв в записи)

О родителях Майи Улановской и Анатолия Якобсона

В. П.: [Муж] моей лагерной дочки Майки Улановской, которая сейчас в Израиле.

Д. С.: Это Анатолий...

В. П.: Человек просто редкой душевной чистоты, смелости, широты и благородства, Тошка. И более пламенного... Толя...

Д. С.: А как его по отчеству, не помните?

В. П.: Александрович. Анатолий Александрович Якобсон. Отец его был юрист. Мать такая была, знаете, просто дама. Я бы даже не сказала, что еврейского типа. Они были из поколения, которое уже жило в Москве. Они из тех евреев, которые получили образование. Был юрист отец Толи. Я отца не знала, мать знала. Татьяной Сергеевной ее звали. Когда она с ужасом смотрела на Майину семью, которые все были коммунисты. Она говорила: «Вера Ивановна, что же вы от них хотите? Они же из Коминтерна! Они же из Коминтерна!» Она вся такая была.

Майка действительно из такой семьи еврейской. Папенька был кузнецом в еврейском местечке. Очень был человек интересный, умный. А матушка была дочь раввина. Матушка, может быть, и интересная, но противная, я помню, невероятно злобная. Оба занимались революцией. Поженились, за что папенька-раввин проклял дочку, потому что социально низкая, это купец. А вот этот Александр Петрович, его настоящее имя неизвестно какое, мы его знали под именем Улановского. Он был партизаном с Котовским. Такой командир Котовский. Они сидели в буквальном смысле...

Д. С.: Бритый Котовский!

В. П.: На одной цепи. Еще занимаясь революцией, они оба попали на каторгу. У Котовского была одна нога сухая, и кандалы у него спадали.

Д. С.: Как сухая?

В. П.: Ну, немножечко здесь. Можно было просунуть ногу. И таким образом они побег совершили. Бежали с каторги с Котовским. Он был ничего такой, боевой товарищ. И сам Александр Петрович... Я его знала как Александра Петровича. Он другое имя носил. Был он в разведке нашей и стал потом...

Д. С.: Это что, в войну?

В. П.: Нет, это еще... Ну, был этим, как называется, резидент. В Америке и в Германии. Он был начальником Зорге даже, нашего шпиона.

Д. С.: Зорге?

В. П.: Да. Он очень крупный был, этот Улановский. В 37-м году он должен был, естественно, направиться на тот свет, но ему по счастливой случайности в КГБ, где порядка нет, один из таких...

Д. С.: Как-то у вас странно все время: «в КГБ порядка нет»!

В. П.: Нет. Конечно, нет. Ну что вы, я вам говорю, Рихтера упустили, за моим отцом в 37-м году пришли.

Д. С.: Это у вас счастливые случайности.

В. П.: Да. Пришли и говорят: «Где Прохоров Иван Николаевич?» А мы говорим: «Он на Ваганьковском кладбище». Им это очень не понравилось. Потому что отец умер в 27-м году, представляете. Так что это вот так было.

Д. С.: А почему же у него тогда фамилия не... То есть как этот Александр Петрович по фамилии?

В. П.: Александр Петрович? Улановский.

Д. С.: А почему тогда Анатолий Якобсон, а не Улановский?

В. П.: Анатолий Якобсон — это муж его дочери.

Д. С.: Ах, муж!

В. П.: Конечно, Толя. Я говорю, вот мать его была...

Д. С.: Я все перепутал.

В. П.: Это я тебе рассказываю столько разных лиц. Его мать из добропорядочной, интеллигентной, вполне еврейской юридической семьи. Она с ужасом относилась к родне Майкиной.

Арест Майи Улановской

Майка такая боевая. Она попала, потому что хотела улучшить общество. Какая-то у нее была организация⁹. Организация была такая, что они читали. Несчастные, они просто там учили Плеханова, Маркса, все это обсуждали.

⁹ Союз борьбы за дело революции

Д. С.: Ну, это тоже неплохо.

В. П.: Да. Их судили военным трибуналом. Трех мальчиков расстреляли, а девочкам дали по двадцать пять лет. И с Майкой я встретилась в лагере. Двадцать пять лет ей дали.

Д. С.: Двадцать пять?!

В. П.: Двадцать пять лет приговор, да. И все получили ордена. Военный трибунал. Сделали из детей дело, понимаешь? Вот такое дело, что они раскрыли общество такое, с таким вот приговором. Детей буквально. Мальчишкам было — одному восемнадцать, другому двадцать. Майке — восемнадцать. Мы с ней встретились уже в лагере.

Д. С.: А сколько она сидела реально?

В. П.: Она сидела реально четыре года, что-то в этом роде. 51-й по 55-й, вот так, потому что их освободили. Их не реабилитировали, но амнистировали. Вызвали из лагеря. Ну что, дело абсолютно нелепое было. Одними из первых после кончины Иосифа Виссарионовича они получили свободу. Как Майка говорит, ее выпустили с Лубянки прямо на площадь. Она в ошалении была таком. Вот.

Майку выпустили. Потом была вот эта диссидентская группа. Она раньше меня освободилась, в 54-м году, я — в 56-м. Вот. И 60-е годы, это диссиденты 60-х годов. Толя Якобсон, который страшно за справедливость. И Майка. Отца выпустили Майкиного, и мать выпустили. Все они уже были на свободе.

Высылка Анатолия Якобсона в Израиль

Толя, он человек как-то... Вот когда я смотрю эту мразь, эти из НТВ мерзости, которые вопят о свободе слова... Господи, Толя

— вот он боролся с этими психушками, с фальшью. Он издавал хронику¹⁰ сам. Конечно, за ним следили. Наконец, его вызвали и сказали: «Анатолий Александрович, вот так. Мы кого купим, кого вышлем, а кого арестуем». Толя говорит: «Наверное, меня арестовывать?» А он настолько откровенный был и настолько обаятельный, что даже кагэбэшники с ним как-то хорошо. Они говорят: «Да нет, уезжайте, Анатолий Александрович». Он говорит: «Да нет, я не хочу. Зачем же?» Я не знаю такого патриота, как Толя. Он обожал эту землю. Для него это все. Любое, что в России, было для него просто то, без чего он не мог жить абсолютно.

¹⁰ Анатолий Якобсон был редактором «Хроники текущих событий».

Значит, он принял это. «Да мне никто и вызова там это...» — «А, сделаем», — ну, ему, значит, вот вызов. Он говорит: «Я не собираюсь. Пускай арестовывают». Но тут вмешалась Майя. У них был сын, и сейчас он в Израиле. Она говорит: «Ну, хорошо, Толя, я буду тебе носить передачи. А что с сыном будет? Может, меня тоже арестуют». Это уже были славные брежневские времена, когда прекрасно арестовывали.

Д. С.: Брежневские уже?

В. П.: Ну конечно! Психушки эти все. Что вы, конечно!

Д. С.: Нет, я просто думал, что это еще хрущевские.

В. П.: Нет, нет, нет. Это был уже Брежнев. 60-е годы. 67-й, когда Брежнев... Уже так накалялось. А мальчик еще больной, у него почки были больные. «Обрекаешь сына на это. Зачем ты его так?» Короче говоря, Толя согласился.

Д. С.: На высылку?

В. П.: Да. Его в Израиль они выслали. Я Толю ужасно любила. Я говорю, он мне как сын, Тошка. И он говорит: «Поедем прощаться со всеми в Москве». Ну, общие друзья. Мы с ним ездили, чтобы так поговорить. Кстати, я тогда видела Сахарова, который производил удивительно приятное впечатление. Это было у какой-то родственницы Сахарова, и была эта омерзительная его жена, омерзительная. Как ее зовут?

Д. С.: Боннэр. Елена Боннэр.

В. П.: Боже, какая омерзительная баба! Тогда она была еще довольно молодая, такая хищная морда. А он удивительно симпатичный, мягкое лицо такое. И Толя ему говорил: «Андрей Дмитриевич, спасибо, что вы пришли на мои похороны». Тот ему говорит: «Ну что вы, Толя!» Он знал Толю хорошо. Многие сахаровские вещи он там и переправлял, все. «Вы молоды. Вы будете жить». — «Нет, я не могу себе представить жизни. Это мои похороны». А эта тварь, которая сидела рядом...

Д. С.: Какая?

В. П.: Боннэр. Боннэр говорила: «Толя! Вы же поедете, вы можете в Париж поехать! Вы можете по свету всему ходить!» Он говорит: «А меня это не интересует».

(Перерыв в записи)

В. П.: В то время как-то восхищалась. Сейчас она такая, что вот, критика всего, а там: «Нет, вы поедете, вы будете в Париже, вы можете путешествовать. Вы же член ПЕН-клуба!» А Тошка очень хороший критик. Он как раз очень с Ахматовой был, в ее кружке этих мальчиков, как она называла «мои мальчики», которые ей служили и с ней работали. Он говорит: «Нет, мне не...» Он о ней писал очень хорошо, о Пастернаке. И вот он говорил: «Мои похороны». И так вот простился с Сахаровым, еще там общие друзья были. Потом мы его провожали.

Академик Андрей Сахаров и его жена Елена Боннэр. 1974. Источник: russiainphoto.ru

О работе Яковсона в школе

Он уже был преподавателем в 57-й школе, математической школе. И он блестящий оратор, стихи знал великолепно, и голос замечательный, а по образованию историк.

Д. С.: Он историк?

В. П.: Толя Яковсон? Историк. И прекрасный историк.

Д. С.: Как интересно.

В. П.: Да. Он умел так соединить историю с литературой, с абсолютным чувством эпохи. Кстати, он страшно любил Даниила Андреева, вот это о Руси есть, ты знаешь, замечательный... Как раз он нас и познакомил с этой...

Д. С.: А вы Даниила Андреева тоже знали?

В. П.: Я не знала его. Я просто видела его жену, но уже после.

Д. С.: После лагеря?

В. П.: Да. Она как раз дружна с моими другими друзьями. Я ее просто так вот видела. А Даниила самого я не видела. Толя стихи его замечательно читал. Когда его изгнали из этой школы как диссидента, еще до того, как пригрозили арестом, его перевели. В военном городке он преподавал у детишек военных наших, кагэбэшников и всех. И, значит, как они думали, что никогда уже там диссидентство успеха иметь не может. А Толя вот на такой, собственно, нравственной основе. И вот они проходили Иоанна Грозного царствование. Они: «Анатолий Александрович, вот опричина была — это хорошо или плохо?» А Толя говорит: «Вот мы будем сейчас историю, буду рассказывать все. Читайте. Вы сами скажете, хорошо это или плохо». И вел он историю. Под конец Толя им зачитал Синодик Иоанна Грозного, казненных, и говорит: «Ну как, ребята, хорошо, что была опричина?» Они все кричали: «Плохо! Плохо!» Никто из них опричником не стал, я не сомневаюсь.

Самоубийство Анатолия Яковсона

Между прочим, когда Толя уезжал, его провожали в Шереметьево-2, зал просто весь заполнен был теми, кто его провожал. И была Лидия Корнеевна Чуковская, и какие-то ученики бывшие, которые стали уже преподавать. Вот они с Майей и с мальчиком уехали.

Ну и Толя прожил там полгода¹¹. Он покончил с собой. Он не мог там жить, не мог.

¹¹ Анатолий Яковсон эмигрировал в сентябре 1973 года. Покончил с собой в сентябре 1978.

”

Он писал сюда своим знакомым, друзьям, Даниэлю: «Это как скарлатина. Некоторые выживают и забывают об этом. У некоторых остаются последствия на всю жизнь. А некоторые умирают от скарлатины. Вот я умираю от скарлатины. Я не могу здесь жить».

Юрий Карякин прощается с Томиком и Анатолием Якобсоном. Позади Якобсона – Виталий Рекубретский, слева – Александр Даниэль и Екатерина Великанова. Фото из архива Георгия Ефремова. Источник: www.antho.net

Он ездил куда-то на Кипр, это все... «Это не жизнь для меня. Я был бы под забором где-нибудь в Москве, в России, но только не здесь. Передо мной течет река Иордан, я вижу Гефсиманский сад. Здесь очень много красивого, но это абсолютно не мое. Я здесь жить не могу».

Майка говорит, что депрессия на него нашла. Я говорю: «Почему же здесь на него не находила депрессия, хотя его и таскали в КГБ, и все?» Майя уже работала, как-то они устроились. У него было положение. Он исчез, и как раз Майя его нашла. Вернее, нашла его собака, которую он принес, дикая дворняжка, Томик.

Он сказал: «Нет, я вывезу его из Москвы. Как же Томик, неужели я, отец, сына оставляю? Нет». И соорудили огромную деревянную клетку, и Томика везли в этой клетке, причем какие-то суммы колоссальные заплатили за этого Томика. Это была страшная, маленькая дворняжка, но абсолютно преданная ему, которая привязалась к нему в метро. Он вышел из метро и возвращался поздно домой. Майя была недовольна тем, что он вернулся поздно, и говорит: «Ну что ж ты неходишь, не раздеваешься, там стоишь?» Он говорит: «Он ждет». — «Кто еще „он“?» — «Ну как, он, собака. Я ему сказал: „Подожди, я должен спросить у Майки насчет тебя“. Он ждет». Майка дрогнула, сказала: «Ну веди его сюда». Томик действительно ждал.

Толя Якобсон с Томиком

Источник: www.antho.net

Вот Толик его нашел. Он в подвал там спустился. Как Майка мне писала: «Я вошла в подвал, зажгла спичку и взглянула направо...» И дальше она не продолжала, потому что Толик повесился там. Похоронили.

Д. С.: Кошмар.

В. П.: Да. Не мог. Он действительно не мог в этой прекрасной стране жить. Я говорю, я не знаю русского человека, чтобы так изнывал тоской по земле этой. Вот такие бывают вещи.

Д. С.: Вера Ивановна, сколько вы рассказываете, да не только вы, кто угодно, самые разные люди, родственники, не родственники, знакомые, самые разные. Почти у каждого судьба перевернутая и трагическая.

В. П.: Конечно. Ну вот. Не могут. Что-то здесь есть то, что несмотря на все вот... Такие вещи. Пожалуй, вот из таких моих воспоминаний.

О диссидентах и диссидентстве

Д. С.: Сейчас я вам еще задам последний вопрос: а диссидентство и диссиденты, вы как-то с ними никогда не?..

В. П.: Я-то их знала просто как...

Д. С.: Как старых знакомых.

В. П.: Конечно. И все эти...

Д. С.: Ну а когда начался подъем диссидентства?

В. П.: Это было на волне оттепели хрущевской.

Д. С.: Ну да. Так называемой.

В. П.: Ну, так называемой, и какой-то веры в дозволенность чего-то, и все. И пошло, а потом, когда этому стали уже ставить преграды, КГБ этим занялось. И прелестное изобретение, «светлое» в кавычках, брежневской эпохи — это психушки: что вы, только псих может. Но это все-таки была отвратительная эпоха! В такой какой-то слежке, такого коварного... Вроде все хорошо, но тем не менее следят. Это пятый пункт отвратительный, все-таки действительно доискивались, как твое отчество. Нет, нельзя, чтобы было у нас в институте это. Неправедливость невероятная.

Д. С.: Это понятно. А вот диссидентство, как-то вот...

В. П.: Диссидентство — это протест. Оно принимало самые разные формы.

Д. С.: Вы никогда себя диссидентом не ощущали?

В. П.: Нет. Нет, я просто хотела... Ты понимаешь, у меня всякое угнетение всегда вызывало чувство протеста, но формы мне казались не всегда правильными.

Д. С.: А вот эти круги, сборища — вы никогда не бывали?

В. П.: Нет. Как-то нет. Я была у Майи, когда отец Майи был жив еще. Они собирались, но там масса споров, очень много все-

таки...

(Перерыв в записи)

В. П.: Ну были и просто болтуны. Был некий Красин, который потом всех, собственно, и предал. Там была очень разношерстная компания. Понимаешь ли, на гитаре и где-то еще, и все это... Одно — частушки, а другое — серьезное какое-то отношение к этому делу. И КГБ очень-таки разобралось. Они сказали: «Кого посадим, кого вышлем, кого купим». Красина они купили. Тошку они выслали. Кое-кого арестовали. Вот был у них такой расклад с этим.

Конечно, это не было, насколько... Я не участвовала в этом. Мое уже другое поколение. Майка на пятнадцать лет меня моложе. Это было молодежное движение. Вот Саша Тимофеевский, которого я сейчас... Поэт, очень милый человек. Он был женат на Майкиной сестре. Вот тоже они возмущались несправедливостью, все это, но по-разному. Это было довольно разрозненное выражение протеста. У некоторых очень искреннее и достойное, у некоторых, как я говорю, где-то под псевдонимом.

Александр Тимофеевский с Ириной и Майей Улановскими и Владимиром Мельниковым. Конец 1950-х гг. Источник: www.antho.net

Синявский и это все такая какая-то злоба в отношении к России, отвратительная у него. Мне он абсолютно чуждый человек. В то время как Толя Яковсон, еврей, умер от того, что расстался с Россией, для него все было здесь — родная земля, семья. А Синявский, русский, пожалуйста, писал: «Россия пожирает, как чушка, своих детей России». Как будто страшный сталинский режим. Мне это абсолютно чужой человек. И процветал там в Париже, и жена его тоже, еще более неприятная, чем он. Там всякие инсинуации были в отношении всего того, что здесь происходило. Нет, это чуждо. Может быть, он в чем-то и был прав, в каких-то своих высказываниях, — это его дело, но форма, которую это все принимало, мне совершенно чужда.

Д. С.: Ну что ж, понятно. Вот у вас получается такое послевоенное уже общество, какие-то картинки. Это интересно. У меня папа, и я его все о диссидентстве... Он как раз никогда ни с какими диссидентами не общался, потому что считал, что само диссидентство спровоцировано и спланировано властью.

В. П.: Конечно. Ну, может быть, да, и такие были.

Д. С.: Они даже не сами. Сами они могли быть откровенными, а вообще, что власти нужны были вот такие люди, которых было немного, которых все знали там, и они...

В. П.: Но к этому примкнули и искренне. Вот Толя Яковсон был абсолютно искренний, честнейший человек. И Майка, конечно, такая. Это уж никак я не могу, понимаете... А там страшно много шушеры всякой было, ужасно, и кагэбэшников полно, которые здесь сами разжигали, а потом уходили в кусты и предавали. Поэтому рассосалось это движение все равно.

(Перерыв в записи)

Отношения Святослава Рихтера и Нины Дорлиак

Нельзя вот так, что Митюля только, нельзя же. Вот Слава. В общем, как-то.... Светик говорил: «Знаешь, Нина это самое... Елена Сергеевна в опале. Она за меня заступается. Она когда звонит, то „Слава спит. Славы нет“».

Д. С.: Вообще отношения Дорлиак и Святослава Теофиловича это тоже интересный вопрос.

В. П.: Да, это ну... Это человек железной воли, безусловно очень...

Д. С.: Красивая, видимо.

В. П.: Да, безусловно. Ведь возраст, она старше на десять, двенадцать лет¹² Святослава...

¹² Святослав Рихтер родился в 1915 году, Нина Дорлиак — в 1908, а Вера Прохорова — в 1918.

Д. С.: На десять?!

В. П.: На двенадцать лет она старше и старше меня, значит, на пятнадцать. И когда она появлялась, мы смотрели, такая дореволюционная внешность, такая коса вокруг головы, такая нежная. Казалось, что не от мира сего. Просто такое было впечатление. И только уже когда они стали вместе выступать, и заговорили в филармонии, что там роман... А в филармонию

очень часто мы с сестрой ходили, карточки все эти продуктовые у нас были же, и считали, что сестры. Меня всегда считали за сестру Святослава, считалось даже, что мы похожи.

Д. С.: Да?

В. П.: Да. Говорит: «Что вы за братом плохо смотрите?» Я говорю: «А что?» — «Ну а как же? Там роман с Дорлиак». — «Ну что вы! Она такая...» В общем, тогда в том возрасте разница в десять лет, когда вам двадцать четыре, а кому-то тридцать четыре или сорок, то эта женщина уже как-то... Ну, она очень хороша, достойна, но как-то представляешь себе из своей компании все-таки. И где-то она уже такая вот, вроде из другого романтического мира. Я говорю: «Ну что вы! Да нет!»

Как-то я вот очень умной женщине, которая руководила всем этим концертным объединением, Мария Тимофеевна, практичная и вместе с тем честная страшно, чтобы всем как-то распределить вот эти, если по карточкам посылали артистов. Вот один человек и билеты покупала, и оформляла их, и продавала, и продовольствие выдавала. Святослав ее очень уважал, любил. Я приходила тоже туда к ней, и я говорю: «Вы знаете, Мария Тимофеевна, как интересно, почему говорят вот так? Нина Дорлиак — это же совершенно не от мира сего». Она сказала: «Вера, вы очень ошибаетесь. Это железная воля». И он попал в железную волю. Мы были тогда совершенно поражены этим, потому что Нина себя вначале вела так, что мы вроде дети, мы все вроде так. Потом вот такой сложился союз, который уже...

Д. С.: Очевидно, не самый удачный. Не нам судить, конечно.

В. П.: Об этом говорить не приходится. Понимаете, дело в том, что настолько разные люди, полярное отношение к жизни. Как подруга Нины Львовны мне говорила, что она... Вот эта очень милая женщина, девяносто лет ей с лишним, девяносто пять, что ли, жива.

Д. С.: Кто?

В. П.: Подруга Нины Львовны, такая Женя, Евгения. Отчество не знаю, то есть я знала, но сейчас не помню. Она говорит: «Вы знаете, Нина сама глубоко несчастна была. Она человек невероятно подозрительный, ревнивый, с комплексами и мстительный, поэтому она создала атмосферу такую вокруг себя и сама от этого страдала, но с собой ничего сделать не могла». Ее страстью в жизни был брат, обожание, и Митя. Вот это было два кумира. Ну, какое-то отношение к Святославу, то есть... Очевидно, не будем в глубины какие-то погружаться. По-своему у нее было, наверное, и увлечение. Она же музыкант сама. Они выступали вместе, был такой ансамбль. Но как Святослав говорил: «Она считала всегда, что они вроде равно одаренные». Я говорю: «Свет, неужели она могла так думать». «Да», — говорит. И когда она не смогла петь уже, то страшные обиды на судьбу, на то, что Святослав идет, гремит его слава по всему миру, и вот она как-то при нем. А Святослав категорически не желал жениться, категорически.

Д. С.: Так они разве не были официально женаты?

В. П.: Нет. Расписаны — никогда. Никакого официального.

Д. С.: А я считал, что официально все-таки были.

В. П.: Мы все так считали. Нина Львовна это представляла так. За месяц до его смерти она сказала: «Может быть, нам как-нибудь оформить?» — «Зачем? Это лишнее». Поскольку пятьдесят лет этот союз существовал, то есть функционально считалось, что она [жена], но никакого документа. Это точно. Просто специальным решением, чуть ли не правительства, то что там и дружба, и почему Митя наследник. Все это вот из-за того, что он сказал: «Я на ней никогда не женюсь».

Д. С.: Вообще странные, конечно, отношения. «Я на ней никогда не женюсь», тем не менее они вместе пятьдесят лет.

В. П.: Вы знаете, одно только могу сказать, что после страшного удара, измены матери, мир для Святослава перевернулся, в смысле его какого-то личного даже отношения, понимаете. И то, что мы в нашем кругу говорили: «Ну, Светик...» Так считали мы, вот Ольга Юльевна, по-моему, я вам говорила, семейство Геккеров, прелестная семья на Клязьме. Я вам говорила, Митя.

Д. С.: Да.

В. П.: Это была нежнейшая дружба, полушутя говорили. Ну вот там Олечка Геккер, которая вышла замуж за Ведерникова. Ну Светик там. Знаете, у нас тогда это все по-другому было.

Д. С.: Вера Ивановна, вопрос такой, может быть, не нужно, но какие-то у них были увлечения за пятьдесят лет жизни с Дорлиак?

В. П.: У кого? У Рихтера?

Д. С.: Да.

В. П.: В смысле...

Д. С.: Прекрасным полом.

В. П.: Ну, здесь очень...

Д. С.: Это я понимаю, что вопрос...

В. П.: На страже. Нет, ну, как вам сказать... Вот я говорю, что Святослав после ухода матери личную жизнь свою совершенно уже не представил как семью, как домашний очаг, и все. На этом был поставлен крест. Это вот точно. Потому что все то, что для него было свято... Я тебе говорила, Митя, как он рассказывал про вечера.

Д. С.: Да.

В. П.: Как мама, которая работала целый день, красивая, замечательная, ни следа усталости на ней не было заметно.

Она сбрасывала этот фартук и говорила: «Ну сейчас будем веселиться». Она пианистка была хорошая. Шарады, веселье. Мама — это все. Это не просто любовь к матери для нас абсолютно естественная и пиетет. Нет, это не пиетет даже. Вот мама — это alter ego, это второе... Вот я говорю, что когда было так, он говорил Любе, вот сестре: «Подожди, приедет мама, она тебе такое покажет на кухне и платье такое сошьет». Мама — это вот, как говорят французы, «il a juré par sa mère». То есть он как бы клялся своей матерью. Мама — это для него было все.

Он любил отца, уважал очень, но где-то в душе уже смирился с тем, что он его потерял, но тем более вот это письмо, которое написал маме в Одессу. Он писал: «Мама, вот теперь мы уже будем... Все, скоро увидимся, мама». И узнать, что мама ушла с ненавистным ему человеком, понимаете. Это для него было совершенно ужасно. Когда он мне сказал: «Ты знаешь, когда я увидел надпись на двери его „С. Р.“, мне просто почти дурно сделалось». Потому что «С. Р.» — Святослав Рихтер, а он Сергей Дмитриевич. И это я тебе тоже говорила. Когда спросила про мать... «Мама — маска, мамы нет». И все, что пишется, вот когда смотришь, даже некоторые и вульгарно, и глупо, и псевдоромантично, как он увидел мать, и фальсифицировано, что говорила мать, как он там счастлив. Он был глубоко несчастлив, когда он виделся с матерью за границей. Ни одной минуты он не был один с матерью. Тут надо сказать, что даже Нина старалась его как-то... Это было невозможно. Он не дал ни одной минуты. Ну Святослав тоже уже — матери не было. И когда с похорон он вернулся, я сказала: «Свет, ну что?» Он сказал: «Ты же знаешь, что мама умерла очень давно».

Поэтому вот то, что с Ниной, с ее невероятно сильной волей, с тем, что он был для Нины как музыкант, это где-то... Он ушел в музыку в этом отношении как, ну, не в монастырь, нет, но все вот такие его отношения... Я говорю, он очень верен был семье Геккеров. Они ходили потом гулять. Тут началась уже мировая слава, началось вот это...

Святослав Рихтер с Ниной Дорлиак, мамой Анной Павловной и ее мужем Сергеем Кондратьевым. Источник: kulturologia.ru

Наталия Гутман

Он ужасно любил Наташу Гутман. Она как дочь ему. Вот Наташка всегда говорит: «Ну что вы, Вера, это говорите!» — «Буду говорить».

Д. С.: Что?

В. П.: Когда я ему говорю: «Наташа, наверно, лучшая виолончелистка в мире». Он говорит: «Почему виолончелистка? Она лучший виолончелист! Лучше ее нет». И единственный человек, о котором он сказал в фильме: «Наталия Гутман — абсолютная честность в музыке». Это, между прочим, точная характеристика Наташи. Он Наташу и Олега очень любил.

Д. С.: Олег кем ей приходится?

В. П.: Олег Каган, муж Наташи Гутман. Они, собственно, как дети его. Он хотел, чтобы они играли. Он возмущался, когда Наташка опекала кого-то и занималась не тем, как он считал нужно и порядка не было: «Опять Наташа это делает! Олег, почему Олег не занимается? Пусть...» Мы с ним шли как-то от нас уже, когда он уже жил тут на Никитской, и говорит: «Я Олега запер там у себя. Сейчас я посмотрю, окно горит или нет. Шестнадцатый этаж». Мы так идем по бульвару. «Смотри, горит окно — Олег занимается. Сейчас иду». Вот это было у него такое.

Олег Каган, Святослав Рихтер и Наталия Гутман. Источник: www.sviatoslav-richter.ru

Тут надо сказать, что Нина ненавидела Наташу. Я говорила тебе, по-моему, что...

Д. С.: Нет.

В. П.: Потому что там получилось так, что Наташа вышла замуж. Первый муж у нее был такой Володя Мороз, человек безусловно интересный.

Д. С.: Ах, это ученик Фалька?!

В. П.: Да. А вот Володькина фотография. Очень красивый был Володя (*ищет фотографию*). Фальк говорил: «У Володи глаз снайпера». Ну вот.

Д. С.: Он сейчас старый, наверно.

В. П.: Сейчас да, Володя, да. Интересный тут. Тогда он был... И Нина Львовна страшно романтично была к нему настроена. Он женился на Наташе, и это вызвало... Как Свет мне говорил: «Випа, подумай, такая чудная девочка не может быть в моем доме!» Нина абсолютно... И в какой-то мере...

Д. С.: Вас она пускала?

В. П.: Ну да, меня да, ну что ж. Попытки были такие как-то, но когда она поняла, что от Святослава ничего не хотят ни сестра, ни я, то... А с другой стороны, понимаете, что вот эти тяжелые годы... Я знала, что Святослав всегда мне поверит. Верит мне, а не Нине, Любе верит, а не Нине, и всегда это абсолютно. Это Нина никогда не могла как-то нарушить. Хотя мы с ней до того, как она объявилась вот такой, она сразу... Когда уже со Святославом, она сразу какой-то барьер, стала говорить, что мы с сестрой к ней плохо относимся. Мы просто в ошалении были. Наоборот, мы же страшно восхищались. Но она попыталась сказать, что мы чуть ли не «кабачок» устроили в день смерти матери. Какой-то бред! А придумал Святослав, потому что это 8 марта было. Такая чудовищная клевета была. Это же неправда все. И когда он Нину убеждал, что это не так. Я говорю: «Ну как? А почему не играть-то? Мать — музыкант, замечательный музыкант». — «Он великолепно изображает медведя». Он действительно так очень мимически мог. Я говорю: «Но это не мешает ему...» Ну такое. Шестнадцать лет Наташа не могла встречаться по-настоящему со Святославом, потому что это было такое страшное...

Недаром Свет сказал, что все-таки такую очень страшную роль в жизни сыграли два человека — это Кондратьев и Нина Дорлиак.

Д. С.: О, господи! Кондратьев и Нина Дорлиак! Это парадокскакой-то.

В. П.: Да. Вот в каком-то другом совершенно ракурсе, но вот что-то такое...

Д. С.: Это он вам так сказал?

В. П.: Мне-то он так говорил, но он сказал так Олегу Кагану. И Олег в полном был таком... Но вместе с тем вот...

Д. С.: А почему он не взял повернулся и уехал? Не имел возможности? Жил бы один, в конце концов.

В. П.: Вы знаете, мог, но как правильно говорила ему одна администраторша, очень такая способная женщина и практичная, которая с нашей Фурцевой была в хороших отношениях. Она говорит: «Ну что ж, я приду и попрошу квартиру отдельную Святославу от Нины Львовны, но ведь через день он придет и будет просить обратно, потому что с Ниной будет ужасно. Она будет умирать, будет истерика, будут страдания, будет ее гибель». Он не мог это вот вынести. И поэтому было, очевидно, такое... Ну вот я просто ему говорила: «Свет, неужели ты не можешь вот с Наташей?» Ну ладно там Оля Геккер, ну этих Геккеров так в стороне. Толя Ведерников, человек абсолютно независимый. И вот то общество, которым Нина пыталась окружить Святослава, это преклонение перед ней и перед Святославом.

” Когда кто-то из его поклонников из этого общества кинулся перед ним на колени в артистической, то Толя Ведерников, который тоже пришел, тут же упал на колени и на четвереньках пошел к Святославу. Святослав, конечно, расхохотался.

Д. С.: На колени перед Дорлиак?

В. П.: Да нет, перед Рихтером. Он после концерта. В артистической люди поздравляют, а тот на колени упал и кланялся в пол. А Тошка тут же упал сам на колени и пошел на четвереньках к Святославу. Ужас (усмехается). Ну это считалось...

Д. С.: А Анатолий Ведерников умер?

В. П.: Толя умер, да. Он умер до Славы на два года¹³. Свет играл на его...

Д. С.: Да?

В. П.: Да, да.

Д. С.: Так он, значит, молодой совсем, нет? Или я путаю?

¹³ Анатолий Ведерников умер 29 июля 1993 г., Святослав Рихтер умер 1 августа 1997 г.

В. П.: Нет, ты путаешь с Александром Ведерниковым, может быть. Анатолий Ведерников пианист, очень большой друг Святослава. Он женился вот на Олечке, которую мы так считали... Ну, не невеста, у нас этого не было тогда так. Она такая женственная, милая, прелестная. Вот сейчас с сердцем у нее очень плохо. Семья, где он находил такой уют и все. Это было как-то все отстранено. Вот в этом у Нины был... И потом, как сказала ее подруга, она сама была глубоко несчастна. Она действительно была страшно подозрительна, не верила людям, кроме своих учениц, которым она действительно очень много давала, и они ее любили. И обожание Мити! Все было подчинено Мите. Она пыталась всегда так сказать, что Святослав любит Митю, и Митя любит Святослава. А Митенька, как я тебе говорила, говорил: «Что такое вы, Слава? Вы — ничтожество, а я — последний Дорлиак! Вы ведь что <нрзб>. Что вы собой представляете?» Я говорю: «А что же ты на это отвечал?» «А я, — говорит, — ничего. Ты говоришь общие истины, Митя: Волга впадает в Каспийское море». Митя двадцать раз повторял ему, что он ничтожество, а он сидел и говорил: «Волга впадает в Каспийское море». Вот Митюля написал статью, говорят, о Святославе. Я вот хочу ему сказать: «Митюль, ты не поставишь эпиграфом „Волга впадает в Каспийское море“?» Вот так.

Ну как, почему? Я лично считаю, и Геккеры так считали, что где-то для Святослава мир личных каких-то привязанностей ко всем стал уже... И так он воспринял то, что есть. Когда я ему говорю: «Господи, Свет, что такое, кто у тебя на Новый год? Ты посмотри». Он говорит: «Ну слушай, если там Митюля и Танюля, — супруга Мити, тоже пьяница, — неужели мне не все равно, кто еще будет? Все равно». Вот такой какой-то...

Анатолий Ведерников

Д. С.: А Анатолий Ведерников, как его по отчеству?

В. П.: Иванович.

Д. С.: А что он, из какой семьи?

В. П.: У Толи тоже трагическая судьба. Из наших в Манчжурии. Он был вундеркиндом. Отец и мать там. Отец прекрасно работал каким-то чиновником, вполне зарабатывал на жизнь семье. А Толя с восьми, я не знаю, или даже раньше лет был просто вундеркиндом. Он уже давал концерты в Японии, в Токио он выступал или не выступал. И вот когда было присоединение Манчжурии, то можно было решать. Толя думал: ехать ли в Америку к какому-то профессору в Филадельфии или к Нейгаузу. И Тошка, молодой мальчишка пятнадцати, что ли, лет...

Д. С.: Почему он, молодой мальчишка из Манчжурии, мог ехать к Нейгаузу?

В. П.: Потому что он был замечательный пианист. Толя вундеркинд.

Д. С.: А Нейгауз его знал?

В. П.: Не знал, но он знал Нейгауза. У Нейгауза были уже и Гилельс, и Яша Зак. Он известнейший был преподаватель музыки, замечательный. И он выбрал Нейгауза, и поехали в Москву. В 37-м году арестовали родителей, отца расстреляли, мать по ссылкам скиталась. А потом вот уже, когда...

Д. С.: А его не тронули?

В. П.: Тошку нет. Наверно, собирались, но так как-то получилось. Могли бы потом арестовать. Как я говорю, промахи у них бывали. Тошеньку, может быть, наметили на какой-то другой уже квартал, но не арестовали. Вот он женился на Оле,

на немке. Так тоже это считалась, конечно, подтверждением его вражьи... Они же все были арестованы у Оли.

Д. С.: Да, вы говорили, что там всех арестовали.

О трагической судьбе семьи Дорлиак

В. П.: Так что вот. Вот это была семья Святослава, его друзья. Он там расцветал всегда. И все это, конечно, вызывало страшное противодействие Нины. В этом смысле роль ее, конечно, была страшная. Но я считаю, что она уже ничего с собой сделать не могла. И Митя, который не желал даже к ней подходить, когда она умирала.

Д. С.: К кому?

В. П.: К тете, Нине Львовне, которая отдала ему всю жизнь. И она звала его. Вот эта Женя, ее подруга, говорила: «Иди, Митя!» — «Ну вот еще! У нее там сидят ее ученицы». И Нина просто: «Вот Митюля», — она старалась уже... Она человек действительно железной воли. Она старалась улыбаться, только чтобы Митюля подошел к ней. Он говорил: «А говорят, что тебе плохо. Да нет, тебя придушить надо. Ты не помираешь». Она говорила: «Как мальчик шутит». Вот это со слов ее подруги. Представляешь, какое обожание. И она искренне считала, что Митя — это талант.

Свет говорит: «Ты знаешь, она мне говорит: „Слава, вам же повезло в жизни, а мальчику не повезло“». Ну вот. Нина Львовна — это трагическая фигура безусловно. Вот то, что они так о ней, конечно, ужасно. Потому что вся та абсолютная радость жизни, вот то, что несмотря на это несчастье с матерью, хотя может для Святослава закрылся личный какой-то момент семейного счастья, уюта и все, то все равно он реагировал на природу, как я тебе говорила, в последние дни: вот кошка побежала, на какую-то песнь, на цветок, на все, понимаешь. У него это было у Нины был абсолютно какой-то протест против этого из-за того, что не Митюля. Слава — удачник, а Митюля — неудачник, несчастный.

Свет мне говорил, это последние уже такие: «Ты знаешь, она хочет, чтобы я не играл». — «Ты с ума сошел. Ты сук, на котором они сидят». — «Ты знаешь, все равно для нее...» Митюля несчастный, они с Митюлей оба несчастные, обездоленные. Из-за того, что была история с Володькой, она как-то и петь перестала, а Свет играет. И вот Митюля несчастный, и она глубоко...

Д. С.: С каким Володькой?

В. П.: Володька Мороз. Митюля несчастный, она несчастная — они объединены вот в одном таком страдании, а Святослав удачник. И она человек очень неглупый, Нина, подозрительная, и она понимала, прекрасно знала, что Митюля не любит Святослава. Когда Святослав говорил ему, что Волга впадает в Каспийское море, а Митюля кричал: «Я последний Дорлиак, а вы ничтожество». Она кричала: «Митюля, замолчи, Митюля, замолчи, замолчи». И в Прощеное воскресенье запустила Митюлю туда к Святославу. Он уже лег спать. Митюля пьяный совершенно там ползал и говорил: «Простите, простите». Свет говорил, что это ему было гораздо противнее, чем то, что он говорил ему, что он ничтожество. Нина Львовна пыталась, как мне кажется, создать какую-то сказку любви к Митюле, но она сама понимала, она была слишком для этого умна, чтобы не чувствовать, что это не так. Это было источником страдания и невольно ее [заставляло] делать его жизнь тоже такой, мягко говоря, неудобной, понимаешь. Вот такие бывают в жизни соединения.

Д. С.: Да, Вера Ивановна.

В. П.: Поэтому заснят он в депрессии, которая у него была. Когда он оказался на родной почве, все-таки увидел и в Звенигород поехал, увиделся, то он воскрес. Я же тебе говорила, он сказал: «Еще год, наверно, я не смогу играть». Я тогда Наташке это сказала, но он умер через неделю. И вот был такой светлый очень.

Д. С.: А с Анатолием Ведерниковым они всегда были друзьями?

В. П.: С Тошкой? Они были друзьями. Понимаешь, настолько Тошка был естественно насмешливо настроен ко всей среде Святослава, говорил: «Нина, что это они все на коленях? Это к чему?» Нина: «Ну Толя, они выражают свой восторг». — «Так можно по-другому выразить». То есть он... Это так все отметалось. А почему? Потому что... Почему Святослав не мог настоять? Потому что он мог играть так, как он играл. Потому что вся...

Д. С.: На чем настоять?

В. П.: Настоять хотя бы на том, что вот Наташа Гутман была бы там. Этих шестнадцати лет не было бы между ними. Он виделся, приходил к Олегу и Наташе, но это было тайно. Что вы, потому что это злодеи! Эта атмосфера мрака, которая для него была совершенно, конечно, и пьянство Митюли. В особенности Митюля неистовствовал, как Свет говорил, перед его концертами и после, потому что это особенно было...

Святослав Рихтер и Наталия Гутман на Втором Международном конкурсе им. П. И. Чайковского, Москва, 1962. Фото: С. Хенкин

Д. С.: А он кто был? А, он актер.

В. П.: Актер. И вот такое было противоречие. Поэтому это, конечно, создавало такое...

Д. С.: Да, сложности, конечно.

В. П.: Сложности, да.

Д. С.: Ладно, Вера Ивановна, утомил я вас.

(Перерыв в записи)

В. П.: У него украли одежду, когда он купался. Остались, правда, какие-то штаны, а рубашку украли. И на станции пили какие-то грузчики, что ли, что-то грузили и говорят: «С нами выпей». Свет подошел, выпил. «Ты что голый?» — «Да вот у меня украли». Кто-то из них снял тельняшку: «На тебе». И он вернулся в ней в Москву. Что было с Ниной, это ужас! Это во всем было ужасно. Ну, конечно, понимание музыки, это все. Конечно, этот трагический облик Митюли, жалкий и вместе с тем трагический, и жалкие попытки Нины все-таки выставить его куда-то вперед.

Д. С.: А этот все-таки не был лишен таланта, первый Митюля? То есть брат.

В. П.: Как тебе сказать. Он постарше меня, но талант... Нет, он не был так открыто бездарен, как сын.

Д. С.: Он был актер. Он играл, у него были роли.

В. П.: Он был актер. Он был очень красивый. Он был очень видный. Он был на этих ролях. Он был Lucien de Rubempré. «Блеск и нищета куртизанок» они ставили, где собственно такой на ролях первого любовника. Чтобы с ним было... Во всяком случае, талантом он не выделялся. Сказать, что он был совсем бездарный, не могу. В то время как Куза, замечательный актер, Рубен Симонов, замечательный актер, понимаешь, а здесь...

Ну а Митюля бедняга, он какую-то роль за сценой. Как Нина: «Вы подумайте, мальчика лишили роли!» — «Как лишили?» — «У него было четырнадцать слов. Ему оставили шесть». А потом кто-то мне рассказал, почему же такая жестокость. Он изображал студента, который приходит в библиотеку, говорит: «Дайте мне, пожалуйста, матричные таблицы». Как это называется, выяснялось, где ударение, Милке Нейгауз звонили. А библиотекарша говорит: «Хорошо, сейчас я дам. Там посидите». Он сидел на диване и ждал. Но в одном из спектаклей Митюля спьяну заснул и его пришлось будить, поэтому ему роль сократили.

Д. С.: А вы не преувеличиваете? Все-таки на спектакль пьяным не пустят.

В. П.: Не знаю, насколько он пьяный, но задремал и там что-то пропустил. Так мне говорили. Короче говоря, ему укоротили роль с четырнадцати до шести слов. В какой-то пьесе он эти матричные таблицы требует. Кажется, ему тут же выдавали матричные таблицы, и он уходил. Во всяком случае, Митюля талантом не был прославлен никак. И в этом была большая трагедия и Митюли. Он же был при величии Святослава, при его грандиозном даровании, которое Нина не могла не сознать, конечно. И вот он был все время не признан. Как какой-то режиссер сказал, когда Митюля читал вместо заболевшего: «Ну сегодня вместо...» — там кто-то был, по-моему, Яичница из «Женитьбы». «А, — говорит, — вместо него было пустое место сегодня. Дорлиак читал». Представляешь. Митюля все время же был.

Д. С.: Ну тоже судьба.

В. П.: Да, судьба у него тяжелая. И у Нины тяжелая судьба. Так что это безусловно.

Д. С.: Да.

В. П.: Вот такие дела. Ну ладно, Митя.